

ОЛЕГ ВОЛКОВ

ВОЙНА
НА СВАЛКЕ

Олег Волков

Война на Свалке

«Издательство АСТ»

2020

Волков О. А.

Война на Свалке / О. А. Волков — «Издательство АСТ», 2020

В первый раз маленькой колонии удалось с успехом отбиться от Первого крейсерского флота метрополии. Но теперь на орбите Дайзен-2 завис Первый ударный флот, самая большая дубинка Федерации Мирема. А вместе с ним целая десантная дивизия с танками, боевыми машинами пехоты и самоходной артиллерией. Расклад сил совершенно другой. Но вопреки желанию амбициозного командующего флотом маленькой победоносной войны не будет. У бунтовщиков было достаточно времени, чтобы подготовить достойный ответ метрополии. На мощь Первого ударного флота и Первой космической десантной дивизии колонисты ответили партизанской тактикой и войной на истощение.

© Волков О. А., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	24
Глава 5	32
Глава 6	36
Глава 7	42
Глава 8	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Олег Александрович Волков

Война на Свалке

Глава 1

Эмигрант третьей категории

Серая дверь из дешёвого пластика словно крепостная стена отделяет душевую от камеры-накопителя. Кажется, что может быть проще, чем смыть с себя противную «слизь», обсушиться под потоком горячего воздуха, одеться и пройти в накопитель? Может быть и проще, но только не после ледяного анабиоза.

Ланал Краун, тридцатиоднолетний заключённый, невысокий и тощий, с дряблым животиком и мягкими ладошками, опираясь дрожащими руками о стену, медленно и осторожно прислонился к закрытой двери. Всего и нужно слегка надавить на неё, приоткрыть хотя бы на пару десятков сантиметров и протиснуться в широкую щель. Но! В животе урчит, голова гудит, резиновые ноги подгибаются на каждом шагу. Скользкие пальцы всё никак не могут упереться в пластиковую дверь.

Ланал налёг всем телом, поднатужился. Проклятая дверь едва-едва сдвинулась с мёртвой точки. Ещё немного! На лбу выступили капельки пота, ноги едва не проскользнули по гладкому полу. Поднажать! Наконец-то! Едва не падая, Ланал приоткрыл проклятую дверь и протиснулся через щель в камеру-накопитель.

Ух! Получилось. Сердце бешено стучит, руки безвольными плетями болтаются вдоль тела. Едва держась на ногах, Ланал оглянулся.

Да-а-а... Накопитель обставлен в лучших традициях суровой аскезы: двухэтажные стальные койки без подушек, одеял и матрасов выстроились вдоль центрального прохода. Минимум удобств и минимум расходов. Ланал, пошатываясь словно пьяный, добрёл до ближайшей свободной койки.

Какое счастье! Ланал ухватился левой рукой за спинку койки. Народу в накопителе совсем чуть-чуть. Великий Создатель избавил от необходимости топтать в дальний конец. После пробуждения, помывки и упрямой двери осталось пройти последнее самое серьёзное испытание – залезть на верхнюю койку.

Опираясь ногами о края нижних коек, хватаясь пальцами за стальную сетку, Ланал кое-как закинул тело на верхнюю койку.

Блаженство! Ланал, стараясь не делать резких движений, растянулся на железной койке. А зачем, собственно, залезал? Ланал тупо глянул вниз. Ведь нижняя свободна.

Звенья стальной сетки упёрлись в спину, затылок и ягодицы. Скрип древней койки сверлит и без того гудящую от напряжения голову. Того и гляди развалится, зараза ржавая, от старости и ветхости. Зато, Ланал блаженно улыбнулся, горизонтальное положение принесло долгожданное облегчение. Трясущиеся руки обрели надёжную опору, холодный металл приятно остужает ладони. С натруженных ног как будто стекает расплавленный свинец.

Стараясь не шевелить головой, Ланал скосил глаза. Накопитель как накопитель, очередная ничем не примечательная тюремная камера. Зелёная краска на бетонных стенах облупилась и местами отвалилась большими кусками. Покрытые рыжей ржавчиной железные койки немилосердно скрипят при малейшем движении. Неужели аборигены настолько бедны, что не могут позволить хотя бы косметический ремонт? Неужели они не могут смазать хоть каким-нибудь маслом древние койки, покрасить стены и обновить потолок? Хотя, Ланал сощурился, выход из накопителя сделан на славу: массивная дверь сияет стальной полировкой, чёрным

прямоугольником выделяется замок, а на потолке сверкает недремлющий глаз видеокамеры. Ланал невесело усмехнулся. С таким же успехом аборигены могли закрыть выход из камеры на шпингалет. Это же Свалка! Бежать здесь просто некуда.

Боль раскалённой иглой кольнула в голову.

– О-о-оxxx, – тихо застонал Ланал.

Говорят, бывают счастливики, которые легко переносят ледяной анабиоз. Хотя... Ланал покосился на товарищей по несчастью, врут, наверно. Химический коктейль анабиозного раствора травит сердце, мозг и печень не хуже палёного самогона. Большинство поднятых из ледяного анабиоза людей чувствуют себя так, словно бухали без продыха целую неделю, а потом забыли опохмелиться. Впрочем, Ланал пробежал глазами по занятым коечкам, некоторым заключённым ещё хуже.

Напротив, слева на нижней койке, лежит Аркада. Здоровенный парниша, накаченные бицепсы, живот словно стиральная доска, плечи плавно переходят в голову. В тюрьме, на Миреме, не дай бог задеть даже взглядом. А сейчас накаченный бык валяется на койке словно покойник: глаза навывкате, лицо бледное. Аркада съёжился, будто усох за время долгого путешествия через космос. В гроб и то краше кладут. Из анабиозной капсулы наверняка руками доставали.

В накопителе десятка два заключённых. Все как один в новеньких красных комбинезонах с унижительными штрих-кодами на спине. Тройка самых бойких шепчется в углу, остальные лежат пластом. Не только Аркада желает сдохнуть как можно быстрее. А так – скучно. Ничего интересного. Ланал уставился в грязно-белый потолок.

Неожиданно к горлу подступил горький ком. Накатила тоска. Первой же малюсенькой передышке в череде мучений вполне достаточно, чтобы вдруг осознать печальную истину: отныне и до конца дней своих он обречён прозябать на Дайзен-2, маленькой, никчёмной колонии в девятнадцати световых годах от родного дома, на печально известной Свалке, свалке человеческих душ. Глаза защипало, Ланал моргнул. По щеке скатилась горячая слезинка. Как же глупо получилось!

Угроздило же родиться в семье потомственных интеллигентов. Оба родителя до сих пор самозабвенно трудятся в Рантангском научно-исследовательском институте общей химии. Говорят, талантливые учёные. Наверное, и в самом деле талантливые, раз природа решила отдохнуть на нём, на их сыне.

С раннего детства Ланал не отличался ни сильным умом, ни крепким телом. Родители лезли из кожи вон, старались во что бы то ни стало взрастить гения. Перестарались, наверно, ничего не получилось. Зато в вечном стремлении что-то сделать, чего-то добиться, кого-то там превзойти Ланал заработал комплекс неполноценности. Сделать хоть что-нибудь, добиться хоть чего-нибудь, ну или хотя бы просто стать лучшим учеником в классе и то не получилось.

В двадцать два года, с трудом закончив университет, Ланал получил диплом химика. Хорошо, что хоть сразу хватило ума сбежать из родного дома в другое полушарие Мирема, а то мать с отцом так и не оставили попыток порадовать человечество гением собственной выпечки. Родители упорно, всеми правдами и неправдами, угрозами и посулами, пытались затащить его в свой институт. Чтобы не умереть с голоду, Ланал устроился простым лаборантом на химическом заводе компании «Тарнсико».

Но! С бегством от родителей настоящие неприятности только начались. Личная жизнь так и не сложилась. Ниола, красавица жена, ушла от него, едва поняла, что Ланал не унаследовал от родителей ни таланта, ни ума, ни даже упорства в достижении поставленных целей.

Это был тяжёлый удар. Жизнь вышвырнула его на обочину. Дальше – хуже. Немногочисленные подружки сразу же бросали его, едва и до них доходила серость и бесперспективность Ланала, что на карьерном, что на финансовом поприще. Ни одна женщина так и не захотела связать с ним жизнь.

Ланал и раньше не отличался общительностью. Постоянные неудачи сделали его замкнутым и угрюмым. Как-то незаметно ему понравилось работать по ночам в заводской лаборатории в полном одиночестве, благо коллеги с удовольствием менялись с ним сменами. Но однажды Ланал всё-таки нашёл свое призвание.

Тихая размеренная жизнь устраивает далеко не всех. Всегда найдутся любители острых ощущений: чтобы жизнь на волоске, чтобы башню сносило. Стимуляторы, допинги и прочие полулегальные препараты всегда пользовались повышенным спросом. Ну а коли есть спрос, почему бы не быть предложению? Однажды ночью, дрожа от страха и нервно поглядывая на запертую дверь, Ланал синтезировал дергач – лёгкий стимулятор на основе кофеина. Вот гдегодились полученные в университете знания и работа в химической лаборатории.

Очень скоро к нему потянулись жаждущие острых ощущений и лёгких побед. К собственному удивлению и восторгу Ланал почувствовал себя нужным, уважаемым и всеми любимым человеком. К тому же завелись неплохие деньги. Ланал в прямом и переносном смысле расправил плечи и распрямил спину. Тогда же из уст одного бойкого на язык покупателя он получил прозвище Химик.

Через месяц Ланал понял, что можно жить совсем, совсем по-другому. Не обязательно к чему-то стремиться, чего-то добиваться, кого-то превосходить. Ничего не нужно доказывать ни папе, ни маме. Вполне достаточно довольствоваться тем, что есть. Неплохие, по меркам рядового гражданина, деньги не сделали его ни умней, ни привлекательней в глазах нормальных женщин. Последняя пассия сначала долго и упорно объяснялась в любви, а потом банально вытащила из тайника в полу гостиной предназначенные на продажу стимуляторы и удрала в ночь.

Оно, конечно, понятно: производство стимуляторов и допингов по ночам в заводской лаборатории балансирует на грани закона. Большинство препаратов можно достать легально, пусть и не в таких количества. Страх перед законом надёжно удерживал Ланала от производства более серьёзной дури, за которую могут посадить. Но любопытство оказалось сильнее.

Пресыщенные покупатели постоянно кланчили чего-нибудь помощней, поприкольней, «шоб башню сносило», как выразился один из постоянных покупателей. Страх перед неизбежным наказанием очень долго сдерживал Ланала, но... Однажды днём дьявольский соблазн всё же доконал его. Той же ночью, научного интереса ради, Ланал синтезировал печально известный психотропный наркотик с очень выразительным названием «Небо в клеточку», или НВК. Жалкие пять граммов разорвали его жизнь на две половинки.

Вот оно – фатальное невезение: тем же утром Ланала арестовали. Вежливый до отращения полицейский в тщательно отутюженной форме предъявил постановление на обыск. В бачке унитаза молодой сержантик нашёл те самые злосчастные пять граммов НВК.

Единственное, что ему могли предъявить – незаконное предпринимательство. Максимум, что грозило за найденные в подвале полулегальные стимуляторы и стероиды – пять лет лишения свободы на самом Миреме. И то, если бы судья явился на заседание с жуткого похмеля, а присяжные все до одного страдали бы глухотой и слепотой. Но...

НВК – совершенно другая песня. Пусть обвинение не смогло доказать ни одного факта сбыта, а судья и присяжные чувствовали себя превосходно, Ланал получил два года тюрьмы и... принудительную эмиграцию на Свалку. Навсегда. Там, в зале суда, на скамье подсудимых, Ланал «умер».

Сколько прошло месяцев, а до сих пор кажется, если бы тогда удалось побороть дьявольское искушение, то вежливые полицейские так ничего бы и не нашли. Он ведь и в самом деле не собирался ни синтезировать, ни продавать НВК. Однако ни судья, ни присяжные ему не поверили.

Печальные воспоминания на время заглушили физическую боль. Ланал тяжело вздохнул. Впрочем, иногда нужно лишиться всего, растерять все силы и надежды, упасть духом и лицом в грязь, чтобы заново найти в себе силы встать на ноги и вновь обрести надежду.

Ещё на Миреме, ожидая отправки на Свалку, Ланал «воскрес». Не так давно казалось, что хуже участи никчёмного лаборанта с серой внешностью и полнейшим отсутствием перспектив ничего быть не может. Но... Арест, суд и принудительная эмиграция доказали обратное – может быть, да ещё как.

Хватит! Ланал сжал кулаки. Хватит раздражать Великого Создателя слёзными жалобами на судьбу. А то ведь, не приведи господь, в очередной раз придётся убедиться, что принудительная эмиграция на свалку человеческих душ ещё не дно жизни. Как бы уже здесь, на Свалке, не нашлась яма поглубже и погрязнее. Второго шанса не будет. Ланал легонько стукнул кулаком по краю койки.

В конце концов, он дипломированный химик. Может и паршивенький, но диплом, спасибо папе и маме, заслужил честно. Если подучиться, почитать умные книги, то можно стать хорошим и даже очень хорошим химиком. Главное отмотать срок, а там дальше видно будет. Как заявил Сапог, тюремный надзиратель на Миреме: при должном терпении и упорстве карьеру можно сделать даже в аду. Ланал улыбнулся.

– Это что за безобразие!

Ланал вздрогнул от неожиданности. Железная кровать противно скрипнула.

В центральном проходе между койками скачет невзрачный мужичок с растрёпанными волосами, тонкими ручками и... совершенно голый. Заключённый подскочил к запертому выходу и, гневно трясая красными штанами, заорал благим матом:

– Где мой чемодан?! Я спрашиваю, где?! Я требую, чтобы о моём прибытии немедленно доложили губернатору! – Псих от души пнул стальную дверь. – Я буду жаловаться!!!

Реакция нулевая. Полусфера видеонаблюдения над дверью равнодушно взирает на голого мужичка.

– Безобразие!!! Распустились тут, понимаешь! Я требую губернатора!!!

Голый псих ещё долго распинался перед запертой дверью, тряс красными штанами и требовал губернатора. Что за тип? Впрочем, Ланал отвернулся, какая разница. Псих он и на Чалосе псих. Говорят, не все новоявленные жители Свалки могут смириться с принудительной эмиграцией. Нередко те, кто не сумел повеситься в камере на Миреме, сводят счёты с жизнью уже здесь, на Свалке. Аборигены не жалуют эмигрантов третьей категории. Говорят, особо буйного заключённого сами могут в петлю засунуть.

Ждать, пока из анабиоза поднимут всех заключённых, пришлось долго. С монотонностью капающего крана, через каждые семь – десять минут хлопает дверь и в накопителе появляется очередной новоявленный житель Свалки. Ланал незаметно задремал.

На фоне сдавленных охов и стонов дверной замок щёлкнул, словно выстрелил. Ланал вышел из блаженного забытья. Так и есть: входная дверь раскрыта настежь. На пороге с гордым видом возвышается низкорослый крепыш. Коротко стриженные волосы торчком, кривой нос, пухлые щёчки, а на круглом личике такое строгое выражение. Такое... На местном тюремщике не привычная чёрная форма, а зелёный китель с кучей карманов, штаны с широким ремнём и высокие ботинки с обычными шнурками. Странно? Форма одежды для всех исправительных учреждений Федерации Мирема должна быть единой.

Местный тюремщик выразительно помахивает короткой дубинкой с петлей на чёрной ручке. Крепыш буквально упивается собственной важностью. Едва он вошёл в камеру, как к нему тут же подскочил тощий псих.

– Меня зовут Дисет Ришор! Вы слышите? Дисет Ришор! – Псих всё же натянул тюремную робу и надел ботинки. – Я прислан с Миремы, чтобы возглавить Управление финансов. Я

требую, чтобы мне немедленно вернули чемодан, а также препроводили к губернатору. Я буду жаловаться!!! – от возбуждения псих перешёл на крик.

О-о-о! Ланал аж привстал на локтях. Голый псих на самом деле чиновник. Ну да, всё правильно: Министерство колоний отправляет своих чиновников управлять далёкими мирами. Но эмоциональная речь чиновника не произвела на аборигена никакого впечатления. Широко улыбаясь, крепко в зелёном кителе смотрит на чиновника снизу вверх.

– Я требую! – в очередной раз провозгласил чиновник, но абориген лихо ткнул его дубинкой в живот.

– О-о-ох! – чиновник согнулся в три погибели.

Ни хрена себе! От удивления Ланал присел на койке и свесил ноги. За рукоприкладство можно запросто оказаться на Свалке. А, ну да, прости господи, местный надзиратель и так на Свалке.

– Пшёл вон! – абориген грубо оттолкнул чиновника. – А ну! Отбросы общества. Строиться!!!

Началось. Ланал осторожно спрыгнул на пол. Ступни тут же обожгло болью, словно на горячий песок прыгнул. Местные тюремщики ничем не отличаются от собратьев на Миреме: такие же закомплексованные психи и так же любят поорать. Зеки с кряхтением и оханьем поднялись с коек и кое-как выстроились вдоль прохода двумя кривыми шеренгами.

– Слушать сюда! – с важностью индюка тюремщик неторопливо зашагал по проходу. – Меня зовут Тегав Индан. Можете не ломать свои куцые мозги. Ваши предшественники уже приклеили мне погоняло Индюк.

Ланал невольно улыбнулся. Точно индюк! Мелкий, но очень важный. Надулся, словно шарик. Того и гляди лопнет от собственной важности, если ещё раньше в суп не попадёт.

– Но! – Индюк дошёл до конца прохода и резко развернулся. – Для вас, свиньи, я утус Индан! Если хоть одна зараза обзовёт меня Индюком... – тюремщик остановился рядом с бугаем Аркадой, – вышвырну на поверхность в одних портках без кислородной маски! С меня станется.

Серьёзная угроза, Ланал нахмурился. В атмосфере Свалки практически нет кислорода. Без дыхательного аппарата человек быстро задохнётся, если ещё раньше его не прикончит адская стужа или не изжарит адская жара.

– Пока вы там дрыгли, – Индюк выразительно ткнул дубинкой в потолок, – мы сбросили ненавистное иго метрополии. Отныне и навсегда Дайзен-2 независимая планета!

Что за бред! От удивления Ланал выпучил глаза.

– Не может быть! – испуганно ахнул тощий заключённый в шеренге напротив.

Индюк резко развернулся и нарочито медленно подошёл к тощему заключённому.

– Может, и ещё как, – концом дубинки Индюк приподнял подбородок заключённого. – Метрополия уже пыталась задушить нашу свободу, снова поработить нас. – Индюк развернулся вдоль прохода. – Вы слышали о Первом крейсерском флоте?

Ланал напряг память. Первый крейсерский... Ну конечно! Чтобы не гонять Первый ударный, самый большой и мощный флот Федерации, на разборку со всякими бунтующими колониями отправляют Первый крейсерский. Только... Ланал посмотрел на Индюка, настоящего бунта ещё не было. Ни разу.

– Так вот, – Индюк вновь неторопливо и важно шагает по проходу. – Первый крейсерский флот здесь уже был. Но мы вышвырнули его из нашей системы! Три сотни хваленых космических пехотинцев уже нашли свою смерть на нашей планете!

Индюк всюду наслаждается произведённым эффектом, широкая улыбка раздвинула пухлые щёчки и дотянулась до ушей. Ланал понурил голову. То, что несёт этот низкорослый боров, слишком невероятно, чтобы быть ложью. На глазах сами собой навернулись слёзы.

– Метрополия послала вас к чёрту дважды. Первый раз, когда вышвырнула к нам на свалку человеческих душ. Второй, когда Первый крейсерский убрался восвояси, а вас бросил на произвол судьбы болтаться в своих анабиозных гробах на орбите.

Как урождённый садист, Индюк упорно добивает заключённых морально.

– Да! Да! Что устались? Больше пяти лет вы болтались на орбите никому на хрен не нужным мусором! И болтались бы дальше, если бы нам не потребовались сверхпроводники и накопители большой ёмкости ваших ледяных гробов.

Индюк сияет от радости. Ланал несколько раз энергично сжал и разжал кулак. Так бы и врезал ему по жирной харе! Больше вида физических страданий Индюку доставляет удовольствие наблюдать за душевными мучениями заключённых. Индюк и ему подобные – самый паршивый тип надзирателей.

– А теперь запомните самое главное! – Индюк демонстративно хлопнул дубинкой по раскрытой ладони. – Вы – никто! Ваши тощие задницы ничего не стоят! Только потому, что ваши мускулы могут принести хоть какую-то пользу, вам дарована жизнь. Но! – Индюк злорадно оскалился. – Это будет паршивая жизнь. Вы будете пахать, пахать и ещё раз пахать до самой своей смерти. Красные пески Дайзен-2 поглотят ваши бранные тела и жалкие души. Зарубите себе на носу одно-единственное правило: за малейшее неповиновение – смерть! Молите Великого Создателя, чтобы вас просто поставили к стенке и пристрелили. О-о-о! Это будет самая гуманная смерть. Лёгкая, как сон. А теперь!..

– Витус Индан! – Из противоположной шеренги выскочил тощий чиновник. – Но я же не осуждённый! Я же не нарушал закон! Я свободная личность!

– Один хрен, – Индюк засмеялся мелко и противно. – Можешь считать себя военнопленным. Федерация Мирема объявила нам войну и до сих пор не признала нашу независимость.

От отчаяния лицо чиновника вытянулось, челюсть отвисла, а руки безвольно повисли вдоль тела. Единственный военнопленный вот-вот громогласно разрыдается.

– Пшёл вон! – Индюк замахнулся дубинкой, чиновник в ужасе отшатнулся.

Ланал стрельнул глазами направо и налево вдоль шеренг. Лица товарищей по несчастью выражают все оттенки негативных эмоций, начиная с ужаса в глазах чиновника до удивлённого неверия заключённого напротив. Но все без исключения выглядят подавленными и глубоко несчастными людьми.

– А теперь, недоноски беременные, за мной! – Индюк вышел из камеры-накопителя. – Кто отстанет или вздумает рыпаться, первым отправится на поверхность. Бежать вам, паскуды, некуда.

На негнущихся ногах Ланал заковылял к выходу. Это, это, это невероятно! Много раз читал в фантастических романах о бунтах на далёких колониях. Но... Одно дело художественный вымысел, подчас очень даже правдоподобный, но всё равно вымысел, и совершенно другое... Неужели оно случилось на самом деле?

Колонии и раньше елозили, по телеку рассказывали. По мелочам, правда: вилами и топорами махали, мэрии и тюрьмы жгли. В какой-то дыре, говорят, губернатора грохнули. Но... чтобы бунтовать? Да ещё разгромить Первый крейсерский?

Боль толкнула в левое плечо, Ланала развернуло на месте. От волнения не заметил, как налетел на дверной косяк. В широком коридоре стоит несколько аборигенов в странных красных костюмах. Больше всего они похожи на сухопутных водолазов. Но... Превеликий Создатель! Ланал невольно отшатнулся. У каждого в руках... Неужели самое настоящее оружие? Длинный ствол с высокой мушкой, красный приклад и слегка изогнутая коробочка возле спускового крючка. На «Эммы», электромагнитные автоматы космических пехотинцев, не похожи, но... Точно оружие!

– Не отставать! – возглас Индюка ударил словно бич.

А, может, и в самом деле раз и навсегда покончить с этим бредом? Ланал украдкой бросил взгляд назад. Сухопутные водолазы молча шагают за заключёнными. Лица скрыты за непрозрачными забралами. Не прошло и пяти минут, как все планы, все мечты и все надежды на будущее опять рассыпались в прах. Пусть со свалки человеческих душ никто и никогда не возвращался, но на ней всё же жили обычные люди, такие же граждане Федерации. Не так давно заключённые, отмотав срок, всё же выходили на свободу. Говорят, некоторые из них очень даже недурно обустраивались. Главное хорошо работать и не злить аборигенов. Честный труд, он, того, вознаграждается. А что теперь?

А теперь впереди пустота и неизбежная смерть. Что там дальше за ближайшим поворотом? Индюк ни словом, ни полусловом не обмолвился о будущем. Сколько кому дали лет, не имеет ни малейшего значения. Чиновника, законопослушного гражданина, мелкий надзиратель не задумываясь обрёл на тяжкий труд и смерть. Может, их и в самом деле ведут на поверхность? Может, у местных развлечение такое? Проклятый Индюк сделал самое гадкое, самое поганое, самое подлое, что только мог – убил надежду. Ланал снова украдкой бросил взгляд назад. Так... Может... Какой смысл тянуть?

Глава 2

Правительственный консультант

– И в завершении о погоде...

Сексапильная телеведущая, изящно покачивая бёдрами, отошла в сторону. На стене за её спиной появилась большая карта погоды. Красные круги антициклона накрыли восточное побережье материка Ларж.

– Завтра днём ожидается сухая, ясная погода, – быстро заговорила теледива. – Воздух прогреется...

Лирон Рекоу в раздражении бросил электронный блокнот на круглый столик возле кресла-качалки.

– Опять тишина, – в раздражении Рекоу откинулся на спинку кресла.

Старое кресло-качалка из натуральной древесины послушно качнулось назад и пронзительно скрипнуло. На дворе и без подсказки телеведущей царит великолепная погода. Всю ночь моросил противный осенний дождь, но к утру тучи рассеялись. Великолепная Гепола взошла на небосклон и согрела воздух. На календаре конец октября, землю вот-вот укроет первый снег. Ну а пока в столь чудный осенний денёк сам бог велел наслаждаться тишиной и покоем в любимом кресле-качалке на террасе собственного домика. Но злость и глухое недовольство всё равно терзают Лирона Рекоу, бывшего начальника тюрьмы Глот на далёкой Свалке.

Месяц. Скоро месяц, как из похода на Свалку вернулся Первый крейсерский флот. Само собой подразумевалось, что brave космические пехотинцы по-быстрому разгонят аборигенов по хатам, и на этом так называемый бунт на далёкой колонии закончится. Ан нет!

Едва прошло первое сообщение о возвращении Первого крейсерского, как планетарные СМИ дружно заткнулись. Ей-богу! Как воды в рот набрали. Все без исключения телеканалы ведут себя так, будто жителей метрополии абсолютно не интересует, что там творится на далёкой Свалке, почему до сих пор нет победоносных репортажей о восстановлении конституционного порядка на Дайзен-2 и почему адмиралы и прочие непричастные не красуются на телеэкранах с новенькими наградами на парадных мундирах. Ясно дело: СМИ молчат не по собственной воле, а по указке правительства.

Четвёртую неделю подряд Рекоу прилежно просматривает все выпуски новостей и... ничего. Тишина. В склепе на заброшенном кладбище новостей и то больше. Популярные телеведущие, сияя безукоризненными зубами, взхлёб рассказывают о светских раутах, смакуют интимные подробности из жизни знаменитостей и выдают прогнозы о длине женских юбок в следующем сезоне. Вот и сейчас в одиннадцатичасовом выпуске бойкая на язык блондинка с наигранным восторгом поведала о новом сорте орхидеи, который кто-то там вывел где-то там, и о том, что теперь многочисленные общества любителей цветов по всей планете писают от восторга. Рекоу печально посмотрел на валяющийся на круглом столике блокнот. Ещё неделя молчания... и тогда гаджет точно закончит свои дни на каменных плитках красивой дорожки, что ведёт от калитки до крыльца дома.

Положив руки на широкие подлокотники, Рекоу принялся не спеша раскачиваться в кресле. Ни высокопоставленные чиновники, ни адмиралы с генералами при всём желании не могут вечно прятать шило в пустом мешке. Рано или поздно им всё равно придётся поведать широкой общественности, избирателям – Рекоу усмехнулся – о поражении Первого крейсерского флота. А том, что впервые в новейшей истории федеральный флот потерпел самое настоящее поражение, невозможно сомневаться после официального молчания четыре недели подряд. Скорей всего, правительство пребывает в глубокой растерянности и до сих пор не решило, что же делать.

С улицы долетел визг тормозов, Рекоу лениво повернул голову. Возле забора остановился большой чёрный внедорожник с квадратными обводами кузова. Дружно хлопнув дверцами, наружу выбрались сурового вида мужики лет тридцати – сорока в чёрных деловых костюмах и с короткими причёсками. Узкие рукава едва скрывали накаченные бицепсы, а из-под полов добротных пиджаков выглядывали тёмные кобуры для пистолетов. Тот, что повыше и постарше, вытащил из кармана наладонник и с задумчивым видом уставился в маленький экран.

А-а-а!!! Козлы!!! Рекоу натужно засопел. Понадобилась вся сила воли, вся выдержка, какая только есть, чтобы остаться сидеть в удобном кресле-качалке с безразличной миной на лице. А сделать это ох как не просто, когда грудную клетку буквально распирает от радости. До жути, до коликов в ногах хочется вскочить и расхохотаться во всё горло. Подбежать к накаченным типам и ткнуть каждому в морду комбинацией из трёх выразительных пальцев. Рекоу вцепился в подлокотники кресла. Дай бог, правительственные агенты, а это именно они, не заметят двуличности и напряжённости в его позе.

Бегство со Свалки и возвращение на Мирем не прошло гладко. Если по меркам Дайзен-2 бывший начальник Глотки считался вполне обеспеченным человеком, то в дорогущей метрополии накопленных сбережений едва хватило на скромный коттедж в относительно престижном жилом поясе Найдак – Запад-13, что тянется от города Найдак в западном направлении и упирается в восточный склон хребта Вунбат. Не будь в названии жилого пояса числа 13, живописный вид горных склонов и величественных темно-зелёных елей влетел бы в очень круглый совирт. А так крупно повезло: залезать в ипотеку на пару десятков лет не пришлось.

Если супруга без проблем нашла работу в ближайшей больнице, а сын быстро освоился в новой школе, то с Апилией, старшей дочерью, возникли большие проблемы. Несколько месяцев она упорно не могла простить отцу коварное похищение со Свалки, но её можно понять. Какой бы жалкой и убогой ни была свалка человечески душ, но Дайзен-2 её родина.

– Доброе утро, уважаемый, – тот, что повыше и постарше, остановился возле калитки. – Скажите, пожалуйста, вы – Лирон Коссанич Рекоу?

– Я, – отозвался Рекоу.

Собственный голос показался хриплым и натянутым, словно гитарная струна.

– Разрешите войти?

Точно, правительственные агенты. Рекоу нервно слотнул. Быть вежливыми и спрашивать разрешение им полагается по инструкции. Иначе они не имеют права вторгаться на частную территорию без разрешения владельца или постановления суда.

– Пожалуйста, – Рекоу нарочито небрежно махнул рукой.

– Утус Рекоу, – агент остановился возле террасы, – Витус Букнир, президент Федерации Мирема, приглашает вас на личную встречу. Если у вас нет возражений, то прямо сейчас.

Рекоу, не говоря ни слова, продолжает смотреть на незваного гостя.

– Федерации требуется ваша помощь, – правительственный агент вежлив до тошноты, но... подобным тоном сержант приказывает зелёному новобранцу отдраить туалет до сверкающей чистоты или сделать сотню отжиманий. – Мы доставим вас прямо во дворец.

– Хорошо, – Рекоу неторопливо поднялся из кресла. – Дайте мне пять минут.

Пяти минут и в самом деле вполне хватило бы, чтобы переодеться и сложить в дорожную сумку нехитрые пожитки. Но, потакая чувству собственного превосходства, Рекоу прокопался полчаса.

Ему всего шестьдесят, до пенсии почти тридцать лет. Он вполне мог бы устроиться администратором в какую-нибудь фирму, главным надзирателем в тюрьму или даже разносчиком свежеиспечённых пирожков. Однако Рекоу из принципа, из вредности, ушёл на пенсию, благо двадцатилетняя работа начальником тюрьмы в далёкой колонии легко позволила это сделать. На недоумённые вопросы знакомых и соседей Рекоу отвечал туманно и неопределённо: «Жду». И он действительно ждал. Ждал. Ждал. И дождался!

Надев лёгкие шорты и футболку с большими зелёными пальмами на груди, Рекоу украдкой выглянул в окно: нервничают правительственные агенты, нервничают. Тот, что помоложе и пониже ростом, эмоционально размахивает руками. Наверное, предлагает по-быстрому скрутить упрямого гражданина и запихать в багажник. Второй, постарше и посолидней, ведёт себя гораздо спокойней. Наверное, объясняет молодому напарнику, что с рядовым избирателем нужно вести себя очень вежливо, но всё равно нет-нет да и поглядывает то на дверь в дом, то на дверцу в багажник вместительного внедорожника. Рекоу развеселился.

Наконец, нацепив на голову панамку, Рекоу вышел на крыльцо. Это надо видеть! Лица агентов вытянулись от удивления. Думали, сволочи, что отставной чиновник натянет на себя самый лучший деловой костюм, повяжет на шею самый дорогой галстук, который только найдётся в его гардеробе, а руки по самые локти испачкает в чёрной ваксе. А вот и хрен вам! Рекоу гордо выпятил грудь и подобрал живот. Он специально оделся так, словно собрался на курорт. Пусть ноги в лёгких сандалиях немного мёрзнут, но это только пока.

На своём внедорожнике правительственные агенты привезли Рекоу на ближайший аэродром. Маленький пассажирский самолёт с шикарно отделанным салоном, сексапильной стюардессой и прохладительными напитками перенёс Рекоу через материк Ларж и далее через Бескрайний океан прямо в Пасму, столицу Федерации Мирема. Больше всего удивляет другое: Рекоу буквально прилип носом к иллюминатору от изумления – самолёт приземлился прямо на территории Правительственного дворца, в большом саду за главным комплексом.

Да-а-а... Рекоу поднялся с мягкого кресла. Значит, президент Федерации не просто хочет встретиться с бывшим начальником тюрьмы Глот, а жаждет увидеть его как можно быстрее. После тщательного обыска и нескольких постов охраны Рекоу провели в одну из комнат дворца и велели ждать.

Широко улыбаясь, Рекоу присел на небольшой диванчик и с наслаждением вытянул ноги. Не зря оделся как на курорт. Это в Найдак – Запад-13 поздняя осень и вот-вот выпадет снег, а в Пасме жаркое лето. Столица Федерации находится на большом тропическом острове Сонпан чуть ли не на экваторе. Едва Рекоу вышел из самолета, как жаркий и влажный тропический воздух окутал его, словно мокрое ватное одеяло.

Рекоу с огромным интересом посмотрел по сторонам. Для места сосредоточения верховной власти огромного космического государства обстановка более чем скромная. Высокий потолок с лепниной, стены приятного светло-жёлтого цвета, на окнах обычные жалюзи, а из мебели четыре диванчика, пара стульев возле овального столика и всё. Такое впечатление, будто находишься не в Правительственном дворце, а в офисе какой-нибудь фирмы средней руки. Наверное, это приёмная не для самых именитых посетителей. Кабинеты и залы Правительственного дворца часто показывают по телевизору, но вот именно эта комната не мелькала на экране ни разу.

Остаётся терпеливо ждать, Рекоу устроился поудобней. Чем крупнее начальник, тем больше ему нужно времени, чтобы торжественно предстать перед просителем. Вон! Рекоу наклонил голову набок. Дверь в стене по левую руку очень даже подходит для появления президента: высокая, двухстворчатая, с резным орнаментом на тёмной древесине. Наверняка очень старая тяжёлая и стоит кучу денег.

Однако не прошло и двух минут, как двухстворчатая дверь широко распахнулась. Рекоу вскочил на ноги. Вслед за гориллоподобными телохранителями в штатском в комнату вошёл президент Федерации Мирема со свитой.

Президента Федерации тысячу раз показывали по телевизору. Но! Одно дело наблюдать за первым лицом на экране и совершенно другое столкнуться с ним нос к носу. Рекоу, словно солдат на посту, вытянулся и поправил шорты. Нужно было всё-таки надеть самый лучший деловой костюм и повязать на шею самый дорогой галстук.

Для своих семидесяти лет витус Букнир выглядит потрясающе: высокий статный красавец с мужественным лицом и выразительными глазами. Деловой костюм идеально подогнан по фигуре, на рукавах золотые запонки. А как же иначе? Рекоу залюбовался президентом. Целая армия косметологов, диетологов, тренеров и стилистов самым тщательным образом следят за первым лицом Федерации Мирема и делают всё, чтобы это самое лицо не брали ни возраст, ни солидная административная нагрузка, ни высококалорийные конфеты и булочки.

За президентом маячат два высокопоставленных чиновника. Тот, что слева, витус Мегар Рант, министр колоний собственной персоной. А тот, что справа, более солидный и коренастый, Игеж Ропин, министр обороны. Рекоу едва не поморщился от разочарования: разговор с президентом приватным не будет. А жаль.

– Добрый день, утус Рекоу, – мягким голос произнёс президент.

Рекоу, словно во сне, пожал протянутую руку.

– Спасибо, что приняли моё приглашение. – Президент говорит величественно и немного высокопарно. Нужно сказать хоть что-нибудь в ответ, но во рту пересохло, а ноги намертво приросли к мраморному полу. Рекоу вымученно кивнул. Что поделаешь: далеко не каждый день приходится здороваться за руку с первым лицом государства.

– Прежде чем перейти к делу, позвольте вам кое-что показать.

Витус Букнир быстрыми шагами пересёк приёмную. Телохранители ловко распахнули перед главой государства двери напротив. Рекоу так бы и остался стоять на месте в жуткой растерянности, если бы министр колоний походя не подтолкнул его к более активным действиям.

В соседней комнате небольшая экспозиция древнего оружия, Рекоу замер от удивления на пороге. Слева небольшая пушка. Станины разведены в боевом положении, а ствол с непонятным расширением на конце смотрит в потолок. Никакой электроники, ну или хотя бы простейшего лазерного прицела. Голая механика с ручками, рычагами и колёсиками наводки. Рядом с колесом несколько боеприпасов: примитивные стальные снаряды с острыми наконечниками вставлены в так называемые гильзы с зарядом пороха.

На широком столе разложено вооружение пехотинцев. Рекоу подошёл ближе. Очень даже интересно! Несмотря на явный анахронизм, пороховой пулемёт выглядит очень даже солидно: длинный чёрный ствол с обычной мушкой, к подствольной коробке приделан стальной ящичек с патронами, большой приклад опирается на стол. И снова голый металл, никакой электроники.

Древний реактивный гранатомёт больше всего похож на канализационную трубу. На конце раструб для выхода реактивных газов, простой оптический прицел, пистолетная рукоятка и прикрытый стальной дужкой спусковой крючок. Реактивная граната похожа на толстый наконечник копья – очень даже опасная штука. Полтора, а то и два килограмма взрывчатки запросто порвут бронескафандр пехотинца и разнесут на части «Муравья».

Карманная артиллерия представлена пятью чугунными шариками с ребристыми боками. И снова никакой электроники, простые химические запалы с ручками и стальными кольцами предохранителей.

Противотанковые мины больше похожи на толстые блины. Не совсем оружие пехотинцев, но... эти блинчики вполне могут представлять опасность даже для современных танков и БМП. По крайней мере, не видно железных частей, обычный металлоискатель их вряд ли найдёт.

А это несомненно гвоздь коллекции, Рекоу взял со стола пороховой автомат. Охранники возле президента недовольно заёрзали.

По конструкции автомат очень похож на пулемёт, даже калибр один и тот же, только меньше размерами. Вместо стального ящичка с патронами слегка изогнутый магазин. Подствольная коробка и приклад те же самые, только ствол короче. А ещё под стволом установлен так называемый подствольный гранатомёт.

Рекоу так и сляк повертел в руках архаичное оружие. Президент и министры терпеливо ждут. А чего ждут? Непонятно. Впрочем! Рекоу провёл пальцами по прикладу, пороховой автомат очень похож на оружие Последней мировой войны, но... Что-то в нём не так.

– Господи, – тихо воскликнул Рекоу.

Словно в первый раз, совершенно другими глазами, Рекоу глянул на маленькую экспозицию. Пороховое оружие времён Последней мировой войны обычно красили в зелёный, тёмно-зелёный или песочный цвет. Часто его оставляли чёрным. Тогда как приклады, рукоятки и стальная коробка для патронов разложенного на широком столе оружия покрыты тёмно-красной эмалью. И ещё несколько очень важных особенностей.

Бронебойный щиток пушки пересекает цепочка круглых вмятин, а левое колесо изогнуто винтом и к тому же спущенное. Такое впечатление, будто по нему с размаху долбанули кузнечным молотом. На прикладе автомата пальцы нащупали глубокую вмятину. Блины противотанковых мин словно опудрены пылью и к тому же покрыты сеткой мелких царапин.

Вот оно что! В отличие от музейных экспонатов, выставленное оружие гораздо, гораздо моложе. Развеялись последние сомнения.

– Трофеи, – Рекоу повернулся к президенту. – Это не пороховое оружие глубокой древности, а трофеи, которые Первый крейсерский привёз со Свалки. Я прав? – Не дожидаясь ответа, Рекоу продолжил: – Гениально! Когда космические пехотинцы высадились на Свалке, аборигены встретили их этим, – Рекоу выразительно потряс автоматом. – Пороховое оружие... Кто бы мог подумать: анахронизм, никакой электроники, никаких сверхпроводников. В этом вся соль: промышленных мощностей Свалки вполне хватило, чтобы в кратчайшие сроки наштамповать горы автоматов, пулемётов, гранатомётов, мин и даже пушек. И это сработало: космические пехотинцы так и не сумели подавить бунт на Свалке, а контр-адмирал Виман не решился превратить кратер Финдос в радиоактивную пустыню. Или всё же решился?

Министр обороны сморщил нос, словно ему закапали сок зелёного лимона, а министр колоний сдержанно улыбнулся.

– Да, вы абсолютно правы, – президент кивнул. – Я рад, что мои помощники не ошиблись, характеризуя вас. Но давайте пройдем в Каминную гостиную. Нам предстоит долгий разговор.

В Каминной гостиной и в самом деле нашёлся камин. Причём не бутафорский из алюминиевого очага с электрической подсветкой, а самый настоящий. Под серой прокалённой решёткой лежит тонкий слой пепла. В углу, между высокими окнами, стоит широкий угловой диван, низенький столик и пара чёрных кресел.

– Прошу вас.

Президент сел в кресло и показал рукой на соседнее. Министрам пришлось довольствоваться диваном. Помощники и телохранители остались стоять.

– Вынужден признать: мы не смогли вовремя оценить ситуацию и взять её под контроль, – произнёс витус Букнир. – Информация о возвращении Первого крейсерского флота прошла по всем каналам СМИ, но никто и подумать не мог, что бунт на Дайзен-2 не подавлен, – президент выстрелил глазами в сторону министра обороны. – Не удивительно, что правительство и генштаб немного растерялись.

Рекоу тактично промолчал. Как истинный политик с многолетним стажем президент умеет смягчать формулировки.

– Да, мы не можем отрицать печальный факт: бунтовщики на Дайзен-2 настроены решительно. Кроме того, они очень хорошо подготовились. У Первого крейсерского не хватило сил и возможностей, чтобы решительно и в кратчайший срок, без применения ядерного оружия, разумеется, подавить бунт. Да и что могла сделать всего одна рота космических пехотинцев численностью в двести человек против двух миллионов.

Президент говорит так, словно оправдывается. Или репетирует выступление перед нацией? Наверняка эти же самые обтекаемые слова и фразы в самое ближайшее время услышат миллиарды жителей Мирема.

– Вчера, после долгих и продолжительных дебатов, правительство приняло решение послать на Дайзен-2 Первый ударный флот для восстановления в колонии конституционного порядка.

Невероятно! От удивления Рекоу едва не стёк на пол. Правительство решило пустить в ход самую большую дубинку, которая только есть в его распоряжении. Это же... Как грецкие орех... Кувалдой... С размаха. Один необдуманный приказ, и... Рекоу потрянул головой. Видать, дела на Свалке совсем из рук вон.

– Мы предлагаем вам должность правительственного консультанта при командовании флота, – витус Букнир наконец-то добрался до самого главного. – У вас будет тот же уровень доступа к информации, что и у самого командующего флотом.

Рекоу напрягся и впился в подлокотники кресла мёртвой хваткой. Лицо окаменело, ноги упёрлись в пол, но... стиснутая улыбка превосходства всё равно растянула губы от уха до уха.

Наконец-то! Правительство всё же вспомнило о нём. Президент на личную аудиенцию вызвал, помощи просит. Рекоу тяжело задышал, щёки запылали жаром. Вот почему он так и не устроился на работу, а предпочёл отсиживаться на пенсии. Дождался! Дождался! Проклятая улыбка рвёт лицо пополам.

Витус Букнир тактично умолчал о самом главном: из всего восьмимиллиардного населения Мирема он единственный, кто знает Свалку не понаслышке, не по сухим отчётам сосланных чиновников, не по байкам пилотов-транспортников, которые пуще огня боятся ступить на поверхность планеты, а по собственном горькому опыту. Он единственный за последний век, кто вернулся в метрополию после двадцати лет службы. Других кандидатов на пост правительственного консультанта при командовании Первого ударного флота просто нет.

Тянуть с ответом неприлично. Рекоу прочистил горло:

– Конечно, витус Букнир, я прекрасно осознаю важность предлагаемой мне должности и охотно принимаю её. Но!.. – Рекоу резко поднял указательный палец. – Только при выполнении двух очень важных для меня лично условий. Разрешите предупредить: на их неукоснительном исполнении я буду настаивать со всей категоричностью.

Министр колоний тут же нахмурился, зато министр обороны заметно повеселел. Выражение лица президента не изменилось.

– Во-первых, – осторожно подбирая слова, заговорил Рекоу, – в качестве вознаграждения за мои услуги я прошу миллион виртов на мой счёт чистыми. То есть без каких-либо налогов, отчислений и прочих вычетов. Ровно миллион.

– Почему так много?! – витус Рант от возмущения едва не запрыгнул на столик. – Это же... Это же... Слишком много!

Министр колоний пылает праведным гневом. Наверное, расходы на правительственного консультанта лягут на бюджет его министерства.

– А вы поищите кого подешевле! – не выдержал Рекоу.

Злорадство и сарказм, что так долго копились в душе, выплеснулись наружу.

– Каково второе условие? – веский голос президента на корню погасил словесную перепалку.

Министр колоний тут же смолк. Рекоу с трудом взял себя в руки и произнёс:

– Во-вторых, в течение всей кампании по восстановлению конституционного порядка на Дайзен-2 я буду находиться на борту космического корабля. Прошу и настаиваю записать в условиях договора, что никто и никогда и ни при каких обстоятельствах не имеет права требовать от меня спуститься на поверхность планеты.

– Проклятие Свалки... – президент чуть заметно кивнул.

– Да, оно самое, – легко согласился Рекоу. – Один раз Свалка отпустила меня. Дёргать судьбу за хвост второй раз я не хочу.

Витус Букнир не зря занимает самый высокий пост в Федерации Мирема. Ни насмешек, ни понимающей улыбки с его стороны так и не последовало. Зато министр колоний опять вскочил на ноги.

– Витус Букнир, – словно стреляя из пулемёта, заговорил министр, – я считаю, что утус Рекоу требует оплату, которая не соответствует его профессиональной ценности. В нашем распоряжении находится доклад утуса Кассена Откена, последнего начальника тюрьмы Глот. Утус Кассен Откен крайне нелицеприятно отзываясь о работе утуса Рекоу на посту начальника тюрьмы. Приняв должность, утус Откен выявил многочисленные нарушения режима охраны и содержания заключённых. Одно только существование теневой администрации тюрьмы среди заключённых является вопиющим упущением и даже откровенной халатностью утуса Рекоу. Из отчёта утуса Откена можно сделать вывод, что бунт заключённых произошёл в том числе и по вине утуса Рекоу.

Рекоу, слушая эмоциональную речь министра колоний, держался из последних сил. Но всё равно не выдержал и громогласно расхохотался.

– На каком основании вы смеётесь? – витус Рант сама уязвлённая гордость.

Удивлённое лицо министра колоний только подлило масла в огонь, Рекоу во второй раз сразил приступ дикого хохота.

Министр колоний никак не ожидал подобной реакции на столь тяжкие обвинения.

– Простите, витус, – Рекоу смахнул с ресницы слезинку, – позвольте объяснить.

Министр и президент ничего не ответили.

– Точно такими же словами, – Рекоу потёр кулаком левый глаз, – я охарактеризовал работу утуса Несота, моего предшественника на посту начальника тюрьмы Глот. Правда, я сработал не так оперативно. Мой разгромный отчёт о недопустимом бездействии утуса Несота ушел в Мирему только через несколько месяцев, со следующим транспортником. Всего я накатал пять отчётов, – Рекоу выразительно посмотрел на утуса Ранта. – Три о никудышной работе утуса Несота и два о неотложных мерах по улучшению работы тюрьмы Глот. В последнем отчёте я буквально на каждой странице предрекал бунт заключённых и умолял министерство увеличить штат надзирателей и количество средств контроля. Но... – Рекоу выразительно развёл руками, – логика министерства проста: дальше Свалки заключённые всё равно не убегут.

– Это правда? – президент хмуро посмотрел на витуса Ранта.

– Нам необходимо проверить архивы, – не моргнув глазом, выкрутился министр колоний.

– Проверяйте. Проверяйте, – благодушно напутствовал Рекоу. – Может быть, наконец найдёте огромную кучу отчётов о крайне неудовлетворительной работе колониальной администрации Дайзен-2, да и прочих миров тоже.

– Вы о чём? – настороженно поинтересовался витус Букнир.

– Видите ли, витус президент, на Свалке сложилась «добрая традиция»: каждый новый присланный из Миремы чиновник начинает работу с написания разгромного отчёта о никудышной работе своего предшественника, – охотно пояснил Рекоу. – Обычно два-три. На моей памяти витус Рабел, начальник полиции, написал аж десять, но это рекорд. Да и как оно может быть иначе, витус президент. Министерство колоний давно наострилось сплавлять в далёкие миры неудачников и откровенных болванов. Меня удивляет, почему жители внешних колоний ещё так мало бунтуют.

Крыть нечем, пристыженный министр колоний сел обратно на диван.

– Ну хорошо, – примирительно произнёс президент. – С вашей работой на Дайзен-2 разобрались. Но... не слишком ли много вы просите?

Рекоу несколько расслабился. Аж на сердце отлегло. Витус Букнир далеко не дурак. Ибо дураку не дано занять президентское кресло в Гранитном кабинете, официальном рабочем месте президента Федерации Мирема.

– Это как посмотреть, – ответил Рекоу. – Сколько стоит одна «Эмма»? А броник космического пехотинца? А высокоточная ракета? Во сколько бюджету Федерации обойдётся прогулка Первого ударного на Свалку и обратно? По сравнению с ЭТИМ, – Рекоу выделил последнее слово, – я прошу сущие совирты.

Не помогло, сомнения по-прежнему отражаются на лице президента.

– Впрочем, – Рекоу тут же сменил тактику, – я с превеликим удовольствием останусь дома совершенно бесплатно. Знаете ли, после двадцати лет жизни под землёй просто так выйти на улицу, вздохнуть полной грудью свежий лесной воздух и почувствовать над головой бездонное небо уже за счастье.

– Хорошо, мы принимаем оба ваших условия, – неожиданно легко согласился витус Букнир.

Министр колоний тут же сник, будто этот самый миллион ему придётся выложить из собственного кармана.

– А теперь докажите, что вы стоите таких денег, – потребовал президент.

– Легко, – Рекоу ничуть не растерялся. – Разрешите начать с того, что никакой полноценной войны на Свалке не будет. Ещё до того, как космические пехотинцы высадятся на планете, аборигены спрячутся под землёй.

– Это очевидно, – отозвался витус Ропин.

– Но вы понятия не имеете, что на самом деле представляют собой подземелья Свалки, – Рекоу в упор посмотрел на министра обороны. – За триста с лишним лет аборигены перекопали кратер Финдос вдоль и поперёк. На один официальный туннель, отмеченный на карте, приходится два-три неофициальных. Добавьте к этому заброшенные выработки и огромную сеть естественных пещер под Северным плоскогорьем. Кроме того, у аборигенов было почти два года, чтобы накопать ещё больше секретных туннелей и бункеров, о которых знают далеко не все жители самой Свалки.

– Ну-у-у... – недоверчиво протянул витус Ропин. – Не стоит преувеличивать возможности аборигенов. Население Свалки всего два миллиона человек.

– Я не преувеличиваю, а преуменьшаю, – уверенно ответил Рекоу. – Дайзен-2 это не Мирем, далеко не Мирем. Колония на Свалке целиком и полностью находится под землёй. Даже дороги между городами и поселениями пробиты в толще гор. Половина населения Свалки так или иначе связана с добычей полезных ископаемых. Квалифицированных горняков и проходчиков на Дайзен-2 если и меньше, чем в Миреме, то на две-три сотни человек. Не говоря уже о горнопроходческих комбайнах и прочих машинах. Большая часть второй половины великолепно владеет отбойным молотком. Когда фермеру нужна дополнительная комната или кладовка, то он просто выкапывает её. Сам. Своими собственными руками. При этом фермеры не всегда сообщают о проведённых работах властям и ещё реже предоставляют полноценные чертежи.

Рекоу разошёлся не на шутку.

– Я настоятельно рекомендую отправить на Свалку как можно больше геологов и геологического оборудования. Это... – Рекоу на мгновение замаялся, – буровых установок, комбайнов копательных... Ну, что там ещё есть у наших учёных для исследования глубин. Иначе война в подземельях Свалки для космических пехотинцев превратится в кошмар наяву. Там, – Рекоу выразительно ткнул пальцем в пол, – вы не сможете использовать ни танки, ни бронемшины, ни высокоточные ракеты. Вся мощь Первого ударного окажется абсолютно бесполезной.

Рекоу перевёл дыхание. Убеждать облечённых очень большой властью людей тяжкий труд. До Создателя всего сущего и то легче докричаться. Получится ли?

– Благодарю вас, – президент поднялся с кресла. – Мы обязательно подумаем над вашими предложениями.

Рекоу поднялся следом. Аудиенция закончена, у витуса Букнира, как главы Федерации Мирема, полно дел.

– Мои помощники займутся вами. Они оформят необходимые документы. Первый ударный отправляется через десять дней. Дата обговорена заранее и переносу не подлежит. Всего вам хорошо, – на прощание витус Букнир снова протянул руку.

Президент в окружении свиты быстро вышел через открытую телохранителями дверь. Рекоу, оставшись в Каминной гостиной совершенно один, сел обратно в удобное кресло.

Миллион виртов это, конечно, хорошо. Рекоу устался в окно. За неделю вполне реально купить хороший коттедж где-нибудь на берегу океана или у озера. Да и жилищные проблемы детей, можно смело сказать, решены. Но... Невнятное сомнение, словно пёс неприкаянный, бродит в глубине души.

– Утус Рекоу, – в гостиной появился безукоризненно одетый помощник президента, – прошу вас пройдёте в мой кабинет.

Рекоу тяжело поднялся из кресла, но едва не рухнул в него обратно. Вот оно что! Рекоу ошумело устался на холёного помощника президента. Мирный вариант решения проблемы даже не рассматривался. Ни президент, ни министры словом не обмолвились о возможности договориться с бунтовщиками, обойтись без выстрелов и напрасных смертей.

Вот почему министр обороны так улыбался, словно на концерте популярного юмориста. Витус Ропин безуспешно пытался скрыть распирающее его превосходство. Да. Да. Именно превосходство!

Последняя серьёзная война отгремела больше шести сотен лет тому назад. Уже много поколений космические пехотинцы воюют с манекенами на полигонах. А ведь так хочется хотя бы разок пульнуть в самого настоящего живого врага. За столетия мирной жизни в военных скопилось столько спеси и самоуверенности, что даже провал Первого крейсерского не отрезвил их.

Рекоу, понутив голову и опустив плечи, вышел из Каминной гостиной вслед за помощником президента. Остаётся надеется, что жители Свалки и в самом деле в ужасе разбегутся по хатам, когда над их головой зависнет армада Первого ударного.

Глава 3

Учебный поход

Поверхность Дайзен-2 представляет собой одну огромную тёмно-красную пустыню из нагромождения древних метеоритных кратеров, изъеденных эрозией гор, камней и песка. По дну одного из бесчисленных оврагов пробирается партизанский отряд. Небеса разразились проливным дождём. Под завывание ветра ручейки жидкой грязи стекают в овраг. Два десятка солдат в тёмно-красных боргах с закинутыми за спину автоматами бредут по колено в мутной воде.

Третье и четвёртое отделения первого взвода первого полка Народной армии самообороны Дайзен-2 возвращаются с учебно-боевого рейда на базу. Рядовой Чаг Ратаг по прозвищу Непоседа шагает за Шныком, командиром отделения и закадычным другом.

Вообще-то на марше от каждого солдата требуется не терять бдительность и быть готовым в любой момент вступить в бой. Но сейчас, после пяти десятков километров по пересечённой местности, солдат Народной армии можно взять голыми руками.

Стемнело почти. Чаг устало огляделся по сторонам. Вверху, на фоне чуть более светлого неба, угадываются неровные края оврага. Тяжёлые шлепки по мутной воде тонут в шуме дождя и завывании ветра. Даже здесь, на дне оврага, сильный ветер крутится юлой и норовит опрокинуть в жидкую грязь. Каждый шаг даётся с трудом. Ремень автомата и лямки разгрузки давят на плечи. В такие моменты нехотя начинаешь проклинать и непогоду, и тяжеленное снаряжение, и сделанный когда-то выбор в пользу карьеры профессионального солдата.

Само по себе учебно-боевое задание не слишком сложное: скрытым маршем пройти по восточной окраине Северного плоскогорья с заходом на вершину 36/8 и вернуться обратно на Партизанскую базу № 4. Единственная сложность – пройти пешком с полной выкладкой пятьдесят с лишним километров.

Поначалу было легко и приятно, не рейд, а прогулка. Начало лета, снег давно сошёл, земля просохла и стала твёрдой, как бетон. Но! Когда до вожаемого отдыха осталось каких-то десять километров, через горный хребет кратера Финдос перевалила огромная туча и разродилась проливным дождём. За десять минут земля напилась влагой, размякла и превратилась в тягучую грязь. А ещё через полчаса овраг наполнился мутной жижей. Если дождь не стихнет, то придётся выбираться на поверхность, а это снижение общей оценки за выполнение учебно-боевого задания. Хотя... Чаг с тоской посмотрел на стекающую по склонам оврага воду, в такой ливень условный противник всё равно не сможет обнаружить партизанский отряд хоть из космоса, хоть с беспилотника.

Последние километры растянулись до бесконечности. Вода всё прибывает и прибывает. В тёмных сумерках спина Шныка едва видна. В самую пору обвязываться верёвкой, чтобы не потерять друг друга в темноте.

Господи! Чаг едва не поскользнулся на скользком камне. Уж поскорей бы война началась! Как гласит народная мудрость: тяжело в учении, легко в бою. А так хочется отдохнуть. Учения, стрельбища, учебно-боевые рейды, теоретические и практические занятия следуют друг за другом бесконечной чередой. Заколдованный круг и только. За четыре местных года подготовки довелось обойти Северное плоскогорье и примыкающие к нему горы вдоль и поперёк. Осталось ещё только глаза завязать, чтобы запомнить на ощупь каждый камешек, каждый овраг и каждую расщелину.

По колонне солдат пробежало оживление. Идущий впереди Шнык распрямил спину и прибавил шаг. Чаг едва не задохнулся от радости. Наконец-то! С плеч будто свалился тяжёлый груз, а ноги сами понесли вперёд. Дошли! Не иначе!

Резкий поворот влево в неприметную пещерку. Чаг нащупал над головой каменный свод. Шум дождя и завывание ветра быстро стихли. Под ногами вместо противных шлепков зашуршали мелкие камешки. Впереди из темноты выступил силуэт Шныка. Чаг улыбнулся. Перед входом на базу приветливо горит фонарь.

– Непоседа! – Шнык на ходу обернулся. – Ты не поверишь: Великий Создатель существует!

Возбуждённый голос друга едва пробивается через герметичный шлем борга, но и по внешнему виду Шныка легко понять, насколько он рад скорейшему завершению утомительного рейда.

– Без базара, Шнык! – во всё горло выкрикнул Чаг. – Великий Создатель только что подарил нам крупицу своего божественного внимания!

От безумной радости хочется петь и танцевать. Не важно что, не важно как, лишь бы дать выход прущему изнутри веселью. Но Чаг торопливо переступил через высокий порог герметичной двери, сзади напинают идущие следом товарищи. Время повеселиться ещё будет.

Яркий свет внутри шлюза после темноты ночи и мрака входной пещеры режет глаза. Зато... Чаг с превеликим удовольствием поднял забрало и вдохнул свежий наполненный живыми запахами воздух базы... Точно дошли.

В раздевалке царит весёлая суета. Солдаты, молодые парни от девяти до ста двадцати лет, бойко скидывают борги и прочую амуницию. Повсюду звучат смех и солёные шутки. В воздухе витает запах пота и мыла.

Отставать от товарищей совершенно ни к чему. Чаг убрал в шкафчик «Надежду», рядышком положил разгрузку с боеприпасами и с превеликим удовольствием снял борг. Натруженные плечи тут же почувствовали невероятную лёгкость. Кажется, подпрыгни слегка, и тут же ударишься головой о потолок.

Очень хочется как можно быстрее вымыться, поесть и завалиться спать. Пусть «похлёбка», синтетическая пища, на вкус ещё та гадость, но после полусотни километров по каменной пустыне она кажется вкуснее телячьей отбивной с горошком и листьями зелёного салата. Но прежде нужно привести в порядок борг и оружие. Солдат в любой момент должен быть готов запрыгнуть в боевое облачение, схватить автомат и встретить врага во всеоружии. Наконец Чаг добрался до душевой кабинки и крутанул краны с холодной и горячей водой.

Длинные тёплые струи падают на голову и стекают по плечам и спине. От удовольствия Чаг закрыл глаза. Вместе с водой стекает усталость.

– Ты надолго? – за спиной раздался голос Шныка.

– Навсегда, – не открывая глаза, ответил Чаг.

Шнык недовольно засопел и отошёл. Ничего. Пусть поищет другую кабинку. В бане, как говорится, нет генералов.

Тёплая вода тянет в сон. Чаг, слегка склонив голову, блаженно улыбается. Нет большего наслаждения, чем после тяжёлого рейда забраться под душ и стоять, стоять, стоять... А впереди ещё большее наслаждение: ужин и долгожданный сон. Нет ничего лучше и приятней, чем армейская кровать с серым шерстяным одеялом и тонкой подушкой в белоснежной наволочке. А потом... А потом опять учёба: теоретические и практические занятия, стрельбища и учебно-боевые рейды. Чаг недовольно поморщился. Уж поскорей бы война началась.

– Внимание!

Чаг встрепенулся и открыл глаза. Приятная нега улетучилась. Из раздевалки, через открытую дверь, долетел голос из громкоговорителя. Лейтенанта Брадана, командира первой роты и начальника Партизанской базы № 4 легко узнать по глубокому басу. Ему бы песни петь, а не отрядом командовать.

– Сегодня, в семь часов утра, с очень важным сообщением выступит глава Независимого правительства витус Тонк. Личному составу, свободному от нарядов и несения караульной

службы, собраться на плацу ровно в 6:55 утра. Внимание! – лейтенант Брадан завернул сообщение по второму кругу.

Накаркал! Идиот! Чаг прижался лбом к прохладной стенке душевой кабинки. Из груди вырвался тяжкий вздох. Горячая вода по-прежнему льётся на голову и стекает по спине, но от бывшего удовольствия нет и следа.

Очень важное сообщение главы Независимого правительства может означать только одно – война. На этот раз на орбите Дайзен-2 появится Первый ударный флот, самый большой и самый могучий кулак Федерации Мирема.

Самое главное и самое трудное в предстоящей войне – выжить. Ну и победить, конечно же. Чаг взял с маленькой полочки мочалку и мыло. В недалёком прошлом уже приходилось сталкиваться с космическими пехотинцами. Пусть каждый из них по самую макову набит спесью, но великолепно обучен и ещё лучше вооружен.

Чаг заводил скользким куском мыла по мочалке. Отличная боевая подготовка – наипервейший залог успешного выживания, ну и победы, конечно же. Когда страх туманит разум, тело делает то, чему его учили, гоняли, дрессировали на бесконечных учениях и прочих тренировках. Если потребуется, то хоть сейчас готов сорваться по тревоге и убежать в очередной учебно-боевой рейд хоть на сто, хоть на тысячу километров. Пока оценки ставят офицеры. На войне первый и последний неуд поставит пуля.

Чаг быстро вымылся и вышел из душевой. Остаётся надеяться, что до подхода Первого ударного осталось недели две. Хотя... Чаг накиннул на плечи гимнастёрку, может, уже через пару дней космические пехотинцы высадутся возле Щитовой горы. Что поделаешь: у маленькой колонии нет развитой системы дальнего обнаружения. В прошлый раз удалось заранее засечь Первый крейсерский только потому, что он сам вышел на связь.

А пока – Чаг захлопнул шкафчик – нужно подкрепиться. Пустой желудок перестал намекать на пустоту, а вцепился голодными зубами в позвоночник. Если отпуск накрылся, то остаётся надежда хотя бы отоспаться перед войной.

Глава 4

Переговоры

Тридцать шесть дней Первый ударный флот Федерации Мирема добирался с места выхода из последней пульсации до орбиты Дайзен-2, более известной как Свалка.

Из всей системы наблюдения за внешним космосом у аборигенов только орбитальная станция «Снежинка», но и она в первую очередь космический порт, а не передовой форпост. Впрочем, надеяться на то, что до самого последнего момента аборигены так и не смогут заметить огромный флот, глупо. Факелы, исполинские облака плазменного выхлопа девяти больших кораблей, летят впереди флота на сотни и тысячи километров. Любой манёвр, разгон или торможение требует запуска главных двигателей.

Несмотря на все доводы, командующий флотом адмирал Крилл всё равно запретил выходить на связь. Свалка ответила гордым молчанием. Даже когда Первый ударный завис над планетой, а космические пехотинцы захватили «Снежинку», даже тогда из кратера Финдос не пришло ни одного вызова. Нужно отдать должное: в игре в молчанку аборигены одержали моральную победу.

Местных жителей совершенно не испугал огромный флот в составе красы и гордости Федерации линкора «Ингар», фрегатов «Вемис» и «Ноуссан», носителя такшипов «Юрланд» и авианосца «Амал». На борту четырёх десантных транспортов «Нутан», «Аттау», «Годван» и «Нивран» прибыла Первая десантная дивизия Федерации Мирема, а это пять тысяч космических пехотинцев, танки, боевые машины пехоты, самоходная артиллерия.

Но даже захватив господство в космосе, адмирал Крилл не стал спешить с переговорами. Линкор и фрегаты выпустили из своих недр множество разведывательных спутников и беспилотных летательных аппаратов. Космические истребители, оглашая окрестности воем реактивных двигателей, проутюжили кратер Финдос вдоль и поперёк.

Разведка поработала на славу. Каждый без исключения бугорок, камень, военный объект был обнаружен, исследован и нанесён на карту. Только... Маленькая колония в буквальном смысле закопана под землю. Если аборигены и подготовились к войне, то большая часть их решимости скрыта под пустынями и горами кратера Финдос.

Лирон Рекоу, правительственный консультант при командовании флота, изо всех сил спешит в штаб, но не получалось – невесомость, будь она неладна. Это только во вращающемся кольце жилого модуля можно нормально передвигаться на двух ногах по самому обычному полу, а на остальной части исполинского корабля царит невесомость. Несмотря на все усилия физиков, изобрести генератор искусственной гравитации не удалось до сих пор.

Рекоу дважды за свою жизнь приходилось преодолевать расстояние в 19 световых лет, но оба раза в качестве ледяного груза в анабиозной капсуле в зелёном контейнере с синими полосками. Оба раза, если разобраться, космоса по-настоящему он не видел. Зато сейчас, на борту линкора «Ингар», прелести космического полёта чувствуются во всей красе. Словно муха на стекле с мёдом, Рекоу торопливо ковыляет по проходу в ботинках-липучках.

– Берегись!

Рекоу замер на месте и втянул голову. Мимо, обдав воздухом в опасной близости, пролетел техник в светло-серой униформе. Ну да, Рекоу боязливо обернулся, настоящие космонавты липучками не пользуются, а летают по проходам и колодцам с ловкостью обезьян. Здесь, в глубине линкора, довольно многолюдно. Рассчитывал добраться до штаба флота за десять минут. Но – Рекоу тяжело вздохнул и заковылял дальше – куда там! Тренироваться нужно было, а не отсиживаться в собственной каюте целую неделю. Наконец всего за две минуты до 17 часов по местному времени Рекоу переступил порог штаба.

Как и полагается, штаб Первого ударного находится в самом защищённом месте линкора «Ингар», в его середине. Посреди просторного помещения стоит тактический стол с голографическим проектором. Вдоль стен пульта управления. Штабные офицеры склонились над тактическими экранами. Ещё два широких экрана висят у них над головами.

– Добрый вечер, – ковыляя к тактическому столу, вежливо поздоровался Рекоу. – Надеюсь, вы ещё не лишили аборигенов последней возможности сдаться.

– Добрый вечер, уважаемый, – от слов адмирала Крилла веет холодом. – Вы опоздали. На ваше счастье аборигены до сих пор не вышли на связь.

Рекоу не ответил, извиняться не имеет смысла. Адмирал отвёл глаза в сторону, словно тут же забыл о присутствии правительственного консультанта. Рекоу молча остановился возле тактического стола.

Во плоти в штабе флота присутствует только адмирал Крилл, а фактически за переговорами будут наблюдать все высшие командиры Первого ударного. Рекоу посмотрел по сторонам. На тактических экранах перед штабными офицерами загадочные графики, цифры, бегущий текст и прочие данные. На двух больших экранах над их головами изображения контр-адмирала Нинчана, капитана линкора «Ингар», генерал-лейтенанта Солмара, командующего Первой десантной дивизией, а также капитанов фрегатов и транспортников флота. Оно и правильно, Рекоу выпрямился и попытался принять вертикальное положение, предосторожности лишними не бывают. Не стоит класть все яйца в одну корзину.

Связи со Свалкой всё нет и нет. От нечего делать Рекоу принялся украдкой разглядывать командующего флотом.

Адмирал Крилл, сидящий в широком кресле и пристёгнутый ремнями крест-накрест, похож на императора седой древности. Ростом командующий флотом не вышел, худощавый, вытянутый, но отнюдь не хилый. Как и любой космический офицер, адмирал Крилл может похвастаться накаченной мускулатурой. В условиях невесомости регулярные физические упражнения не блажь, а суровая необходимость. Пусть фигуре адмирала недостаёт габаритов, зато грозного достоинства на лице хватает с избытком. Такое впечатление, будто не ты смотришь на него сверху вниз, а он взирает на тебя с высоты царственного трона.

За семь дней с момента пробуждения из ледяного сна Рекоу успел несколько познакомиться с офицерами линкора. Пусть поначалу контакт не клеился, зато потом они рассказали много интересных подробностей об адмирале Крилле. Самое неприятное заключается в том, что адмирал Крилл законченный карьерист.

Ровно за неделю до отправления Первого ударного в поход специальным указом министра обороны адмирал Шнобир, прежний командующий флотом, был отправлен в почётную отставку по причине достижения пенсионного возраста. Тем же указом на должность командующего флотом был назначен адмирал Крилл. Как в секунду откровенности выразился контр-адмирал Нинчан: «Штабная крыса и великий интриган с чрезмерными амбициями». Как втихомолку поговаривают в офицерской кают-компании, адмирал Крилл пробрался на должность командующего флотом исключительно по карьерным соображениям. Он уже достиг потолка в Министерстве обороны. Для финального рывка в обойму больших политиков ему позарез нужна победа над бунтующей Свалкой. Не к добру такое рвение, не к добру.

– Где связь? Дайте мне связь со Свалкой! – громогласно потребовал адмирал Крилл.

– Мы вызываем аборигенов по всем каналам, но они не отвечают, – отозвался штабной офицер.

Адмирал Крилл недовольно нахмурился. Рекоу невольно улыбнулся. Не любит адмирал, когда кто-то откровенно забивает на его приказы. Впрочем, как бы то ни было, в своё время адмирал Крилл закончил Лирдское военно-космическое училище с отличием и прошёл по всем без исключения ступенькам административной лестницы. Если его таланты как пол-

ководца ещё можно оспорить, то как администратору и тяжелоатлету подковёрной борьбы ему нет равных. Может, и в самом деле лет через десять он переедет в Правительственный дворец.

Что-то не похоже, что грозный вид Первого ударного произвёл на аборигенов впечатление. Рекоу приуныл. Только в десять минут шестого над тактическим столом возник голографический экран, виртуальный аналог телевизора. От далёкой колонии глупо ожидать полноценного объёмного изображения. Наконец рябь чёрно-белых полос сменилась изображением витуса Тонка, так называемого главы Независимого правительства. Рекоу сощурился, трудно не узнать бывшего помощника начальника Управления по энергетике.

– Добрый вечер, адмирал, – главарь мятежников заговорил первым. – Простите, не имею чести вас знать.

– Добрый вечер, витус. Разрешите представиться: командующий Первым ударным флотом Федерации Мирема адмирал Блар Винжич Крилл, – с хорошо скрытым вызовом ответил адмирал.

Точно тяжеловес подковёрный! Рекоу стрельнул глазами в сторону адмирала. Командующий флотом сумел соблюсти правила вежливости и при этом мастерски выделить фразу «Первый ударный флот».

– Адмирал, – быстро заговорил витус Тонк, – ваш флот вторгся в пределы независимого государства Дайзен-2. Если в течение ближайших двух часов вы покинете орбиту планеты и направитесь за пределы нашей системы, то мы готовы расценить ваш поступок как досадное недоразумение. Дайзен-2 – мирная планета. Мы не желаем войны с Федерацией Мирема. Более того! Мы выступаем за установление дипломатических и торговых отношений.

Вот так, Рекоу едва не захлопал в ладоши, несложным словесным трюком глава мятежников переложил вину за предстоящую войну на Федерацию Мирема, Первый ударный флот и на адмирала Крилла лично. Не исключено, что в данный момент вся планета следит за переговорами. Впрочем, Рекоу опять приуныл, витус Тонк не похож на человека, которого страшит предстоящая бойня.

– Система Дайзен и планета Дайзен-2 являются неотъемлемой частью Федерации Мирема, – чеканя каждый слог, заговорил адмирал Крилл. – Первый ударный флот прибыл в систему Дайзен для восстановления конституционного порядка в колонии Дайзен-2. Ваше так называемое Независимое правительство является незаконным, и я не обязан его признавать.

Адмирал Крилл выдержал эффектную паузу и продолжил:

– Витус Тонк, я уполномочен правительством Федерации Мирема предложить вам прекратить бессмысленное сопротивление и сложить оружие. В случае добровольной капитуляции всех участников вооружённого мятежа ожидает амнистия. Вы лично и члены вашего так называемого Независимого правительства уйдёте в почётную отставку с сохранением всех причитающихся выплат и пособий. В противном случае мне приказано подавить вооружённый мятеж с применением всех имеющихся в моём распоряжении сил и средств.

Рекоу опять с трудом сдержался, чтобы не захлопать, но на этот раз от бессилия. Пусть адмирал Крилл говорит о мире, но добровольная капитуляция Свалки его совершенно не устраивает.

– Вам нас не запугать, – выражение лица витуса Тонка не изменилось. – Мы готовы с оружием в руках отстаивать нашу свободу и независимость. Вам никогда не поставить Дайзен-2 на колени, адмирал.

– Это ваше окончательное решение? – тут же спросил адмирал.

Адмирал Крилл с трудом сдерживает торжество. Ещё немного и командующий флотом откровенно пошлёт витуса Тонка на три весёлые буквы.

– Да.

Рекоу едва не взвыл от отчаяния. Витус Тонк и адмирал Крилл ведут себя как два бойцовых петуха на арене. Один делает вид, будто поражения Первого крейсерского флота нико-

гда не было, второй тактично молчит, но всем своим видом напоминает об этом. Они что, не понимают, что в конечном итоге оба попадут в суп, причём в одну и ту же кастрюлю?

– Адмирал? – Рекоу выразительно посмотрел на командующего флотом.

Адмирал Крилл недовольно поморщился и нехотя произнёс:

– Да. С вами желает поговорить утус Рекоу, правительственный консультант.

Рекоу молча порадовался: ещё на Миреме заранее удалось настоять на личном разговоре с главарём мятежников. Мирный исход не укладывается в личные амбиции адмирала. Не для этого он разводил интриги, не для этого пролез на должность командующего Первым ударным флотом. Наоборот: ему нужен упёртый противник, который будет упрямо сопротивляться и сложит оружие не раньше, чем пара тысяч аборигенов отправится на встречу с Великим Создателем раньше времени. Будь его воля, адмирал тут же свернул бы переговоры.

– Добрый вечер, витус Тонк. – Голографический экран повернулся в сторону Рекоу.

– Добрый вечер, витус Рекоу, – вежливо ответил главарь мятежников. – Как я вижу, отставка благотворно повлияла на вас. Вы загорели.

Для своих пятидесяти шести лет витус Тонк выглядит великолепно. Широкое открытое лицо с крупными чертами. Глубоко посаженные глаза всё так же излучают властность. Вот только некогда густые чёрные волосы тронула седина. В молодости главарь мятежников занимался тяжёлой атлетикой, благодаря чему до сих пор может похвастаться фигурой штангиста. Но... Власть над целой планетой не прошла даром. В выражении лица витуса Тонка, в его манере держаться и вести разговор чувствуется превосходство над простыми смертными, даже спесь.

– Витус Тонк, – решительно заговорил Рекоу. – Сейчас, в данный момент, вы творите историю, но не понимаете, какую именно. Да, я с вами полностью согласен: существующая ныне система управления колониями прогнила, как поражённая фитофторой картофелина. Не мне вам рассказывать, какими бедствиями и страданиями оборачивается эта гниль для жителей далёких миров. Ну и пусть бы себе гнила дальше! Глядишь, лет через сто сгнила бы окончательно. И тогда правительство Федерации пошло бы по пути мирных реформ и было бы вынуждено предоставить внешним мирам некое подобие автономии. Но нет! Благодаря вам этому не суждено сбыться.

Вы понятия не имеете о тех бурных дебатах, что всколыхнули сенат и нижнюю палату, когда вернулся морально опущенный Первый крейсерский флот. Благодаря вашей победе вверх взяли ястребы. Правительство пошло на принцип и решило отправить Первый ударный флот. Вы, вы лично, витус Тонк, подтолкнули центральную власть к силовому решению проблемы любой ценой, вплоть до ядерной бомбардировки. – Рекоу перевёл дух. Простой разговор, а чувствуешь себя так, словно выступаешь перед огромной толпой.

– Витус Тонк, остановитесь. Конфликт ещё можно разрешить миром. Ещё можно вернуться к прежней системе управления, к мирной эволюции. Пусть не сейчас, пусть через сто или двести лет, но Дайзен-2 обязательно получит некую автономию без разрушений и напрасного кровопролития. Войну за независимость вам не выиграть. Зато своим поражением вы окончательно повернёте Федерацию Мирема на путь создания полноценной колониальной империи. Почитайте историю старичка Мирема, витус Тонк. Освежите память. Узнайте, какими бедствиями и страданиями оборачивались подобные империи для покорённых народов не в таком уж далёком прошлом. Оно вам надо? Или вы хотите, чтобы именно под таким соусом бунт на Свалке и ваше имя вошли в историю?

Рекоу умолк. Такое впечатление, будто в штабе флота температура воздуха поднялась градусов на десять, а то и на все двадцать. Ещё никогда не приходилось говорить с таким вдохновением и под гнётом такой ответственности. Остаётся надеяться, что горячие слова достигли цели. По крайней мере, заставят главаря бунтовщиков призадуматься.

– Я выражаю волю народа Дайзен-2, – высокопарно ответил витус Тонк, – который...

– Ой не надо громких слов о революции! – Рекоу перебил главу Независимого правительства. – Вы и ваше Движение никогда не были волеизъявлением жителей Дайзен-2. То, что вы провернули, называется классическим военным переворотом. Пользуясь бездарностью и халатностью колониальной администрации, вы захватили власть и теперь ради неё готовы принести в жертву собственный народ.

Не то, совсем не то. Рекоу с тревогой взглянул на адмирала Крилла. Командующий флотом откровенно улыбается. Проклятье! С облечёнными властью людьми нужно общаться, как с детьми неразумными. Меньше всего они хотят услышать голую правду о себе любимых.

– Одумайтесь, витус Тонк! – от отчаяния Рекоу едва не сорвался на крик. – Пока ботинок космического пехотинца не коснулся поверхности Дайзен-2, вы вполне можете избежать войны.

Если бы не полное отсутствие гравитации, Рекоу рухнул бы на пол от возбуждения. Вместо этого он заколыхался на месте, словно одинокая травинка на ветру.

– Наша позиция остаётся прежней, – сухо ответил главарь мятежников. – Если понадобится, мы готовы с оружием в руках защищать нашу свободу и независимость.

Слова витуса Тонка словно острые камни бьют по голове. Ну почему всесильным мира сего плевать на жизни своих подданных?

– Конец связи, – не прощаясь, произнёс витус Тонк, и голографический экран тут же погас.

– Конец, конец, – радостно закивал адмирал Крилл.

Всё впустую. Рекоу отвёл глаза. От вида довольного адмирала тошнит. Так и хочется запустить в его довольную рожу кирпичом или тяжёлым ботинком, чтобы кровь и осколки зубов во все стороны. Последняя надежда на мирный исход растворилась. Да и как оно могло быть иначе, если и главарю бунтовщиков и командующему Первым ударным нужна война.

– Внимание!

От громогласного возгласа адмирала Рекоу вздрогнул. Командующий флотом распрямил спину и гордо расправил плечи. Ни дать, ни взять – император седой древности на божественном троне.

– Приказываю начать боевую операцию по восстановлению мира и конституционного порядка на Дайзен-2.

Грома аплодисментов и приветственных возгласов не последовало. Но и без бурных оваций подданных адмирал Крилл чувствует себя на белом коне с мечом наперевес.

– Разведка! Доклад.

Возле тактического стола ловко приземлился капитан третьего ранга Дишан. Держа в руках электронный блокнот, главный разведчик флота заговорил хорошо поставленным голосом:

– На этот раз аборигены хорошо подготовились к обороне. Аэрокосмическая разведка выявила комплекс объектов, которые однозначно определены как наземные форты.

На тактическом столе появилась детальная карта кратера Финдос. Рекоу слегка наклонился. Такое впечатление, будто смотришь с большой высоты. Кружочки с названиями указывают на населённые пункты. Пусть колония на Дайзен-2 существует четвертую сотню лет, но исполинский кратер Финдос до сих пор является единственной освоенной территорией.

– Все без исключения наземные форты находятся на Северном плоскогорье.

Изображение кратера Финдос увеличилось в размерах и плавно сдвинулось в сторону. Хорошо знакомое Северное плоскогорье, участок пустыни, окружённый с трёх сторон горами кратера Финдос, а с юга Большим изломом, тектоническим разломом, который в далёком геологическом прошлом опустил южную часть кратера примерно на сотню метров.

– Самый большим наземным фортом является Щитовая гора, что прикрывает столицу Финдос с юга. Пять малых фортов прикрывают её с восточного, южного и западного направле-

ний. Кроме того, в горах, возле поселений, обнаружены ещё форты разных размеров, – словно заправский лектор капитан третьего ранга Дишан докладывает о результатах разведки. Вторя его словам, на карте Северного плоскогорья вспыхивают значки наземных фортов. Не то чтобы их слишком много, но и не мало. Рекоу задумчиво переводит взгляд с одной точки на другую. Пожалуй, всё же слишком много. У аборигенов был всего год и десять месяцев по стандартному летосчислению, чтобы подготовиться к встрече с Первым ударным.

– Каких-либо признаков восстановления разрушенной тюрьмы Глот не наблюдается. На прочей части кратера Финдос каких-либо объектов военного назначения не замечено. Главный вывод: Северное плоскогорье – единственная подготовленная к обороне территория. На ней же следует ожидать самое упорное сопротивление аборигенов, – сказав это, главный разведчик флота умолк.

Да... Нужно признать: разведка поработала отлично. Рекоу мысленно похлопал капитану третьего ранга. Между тем адмирал Крилл с самым серьёзным видом изучает карту Северного плоскогорья.

– Адмирал, – не удержался Рекоу, – я не военный, но... что-то с этими фортами не так. Слишком глупо подставлять их под удары такшипов и АКИ. Поверьте мне: аборигены далеко не дураки.

Но осторожное замечание пропало втуне, адмирал даже не соизволил оторвать глаза от карты.

– Где рекомендуете развернуть Главный базовый лагерь? – адмирал Крилл посмотрел на главного разведчика.

– По согласованию с генерал-лейтенантом Солмаром, наиболее оптимальной позицией для развёртывания космического десанта является Изумрудная долина, – ответил капитан третьего ранга Дишан.

Карта Северного плоскогорья с красными отметками целей сдвинулась в сторону. Горы кратера Финдос сместились к самому краю тактического стола.

– Изумрудная долина представляет собой очень древний метеоритный кратер с сильно разрушенными краями, – пояснил Дишан. – Долина находится в сорока километрах севернее кратера Финдос в пустыне Верхняя чисть. Таким образом, расстояние до главного театра военных действий относительно небольшое. С другой стороны, аборигенам будет гораздо сложнее добраться до Главного базового лагеря и нанести ему какой-либо ущерб. В этой части пустыни какие-либо поселения и подземные туннели отсутствуют полностью.

– Отлично, – губы адмирала Крилла растянулись в холодной улыбке. – Капитан третьего ранга Ниртан!

На тактическом столе появилось изображение командующего авиацией флота. Сам капитан третьего ранга находится на носителе такшипов «Юрлан».

– План нанесения ракетно-бомбового удара по обнаруженным объектам готов, – бойко отпартовал капитан третьего ранга Ниртан. – Трёх стандартных суток вполне достаточно для гарантированного уничтожения обороны противника. Такшипы и АКИ находятся в полной боевой готовности.

Рекоу печально улыбнулся. Для полного счастья главному лётчику не хватает возможности бодро отдать под козырёк и щёлкнуть каблуками. Связь на расстоянии имеет свои минусы.

– Отлично, отлично, – адмирал Крилл благодушно усмехнулся. – Боевую операцию приказываю начать завтра с рассветом в пять часов утра по местному времени. Космическому десанту приступить к высадке в Изумрудной долине. Авиации флота приступить к уничтожению обороны противника. Сделайте так, капитан, чтобы в Северном плоскогорье камня на камне не осталось, – в завершение пожелал адмирал.

Вот так, Рекоу без сил рухнул бы на пол, будь такая возможность. Бравые вояки рвутся в бой и упорно не желают прислушаться к голосу разума. Неужели они все такие?

– Вопросы будут? – адмирал Крилл положил ладонь на застёжку ремней, что удерживали его в кресле.

– Да, адмирал.

На тактическом столе, вместо командующего авиацией флота, появился генерал-лейтенант Солмар.

– Согласно данным разведки, на крыше ангаров космопорта имени Пилага аборигены оставили ровно тридцать один ящик прямоугольной формы, – произнёс командующий космическим десантом.

Карта пустыни Верхняя чисть исчезла. Вместо неё на тактическом столе появилась фотография со спутника. Рекоу едва не лёг на голографическую столешницу: очень хорошо знакомый силуэт Щитовой горы и встроеного в неё космопорта имени Пилага. Взлётно-посадочная полоса проходит рядом с тремя ангарами. Орбитальные челноки останавливались на небольшой площади перед космопортом, разгружались, загружались, заправлялись и вновь уходили на взлётно-посадочную полосу. А это не иначе как те самые сложные аккуратными рядами серые ящики. Причём не просто длинные коробки, а... Господи!..

– Ну и что? – раздражённо бросил адмирал Крилл.

Лицо генерал-лейтенанта Солмара окаменело.

– Адмирал! – кажется, ещё немного и генерал-лейтенант перейдёт на самую грязную ругань. – Пятая отдельная рота космического десанта была вынуждена оставить на Свалке тридцать одного погибшего пехотинца! Аборигены не стали восстанавливать тюрьму Глот, однако полностью разобрали её руины. Остатки РСПП и бронескафандры космических пехотинцев представляют для них большую ценность. Логично предположить, что на крыше ангара сложены тела погибших.

Гробы! Ну конечно! Рекоу легонько хлопнул ладонью по тактическому столу. Пятая отдельная рота как раз базировалась на одном из транспортников Первого крейсерского флота. Именно её космические пехотинцы пытались образумить аборигенов силой. Но! Последний штурм тюрьмы Глот закончился катастрофой: аборигены подорвали Глотку вместе с десанниками. На чём, собственно говоря, и закончилась первая попытка подавить бунт на Дайзен-2. Тогда никто и подумать не мог, что аборигены взбунтовались всерьёз и надолго.

– Ну и что? – в раздражении адмирал Крилл нахмурил брови.

– Адмирал, – щёки генерал-лейтенанта Солмара покраснели, – я прошу разрешения организовать экспедицию, чтобы забрать тела погибших.

– Вы что, сдурели? – адмирал Крилл рассердился не на шутку. – Это же ловушка. Аборигены тут же собьют десантный челнок. А если не собьют, то обязательно заминируют каждый ящик.

– Мы обязаны попытаться! – генерал-лейтенант Солмар упорно настаивал на своём. – Это жест доброй воли со стороны аборигенов. Они ведь тоже люди! К тому же в недалёком прошлом законопослушные граждане Федерации Мирема. Уже завтра такшипы и АКИ разнесут космопорт к чёртовой матери. Великий грех убивать павших товарищей во второй раз. Я лично готов возглавить экспедицию.

В штабе повисла напряжённая тишина. Офицеры за пультами управления на время забыли о тактических экранах и настороженно уставились на адмирала Крилла. Даже командующие космических кораблей нахмурили брови и тревожно ждали. Рекоу замер на месте. С подобными выражениями на лицах разгневанная толпа обычно собирается линчевать преступника.

Адмирал Крилл плотно сжал губы. Принимать жесты доброй воли от бунтующих аборигенов явно не входило в его планы.

– Нет, генерал, – адмирал Крилл стукнул кулаком по подлокотнику. – Это ловушка. Пока оборона противника не подавлена, не может быть и речи о какой-либо экспедиции.

- Это ваше окончательное решение? – с вызовом спросил генерал-лейтенант Солмар.
- Да! Чёрт побери.
- Нельзя так, – изображение генерал-лейтенанта тут же пропало.
- Больше вопросов нет? – требовательно произнёс адмирал Крилл.

Командиры космических кораблей молча отключились. Штабные офицеры уставились в тактические экраны. Со стороны кажется, будто они поглощены работой, но на деле не желают видеть командующего флотом.

- Тогда завтра в пять начинаем.

Адмирал Крилл откинулся на спинку кресла. Командующий флотом буквально светится самодовольством.словно маленький мальчик, которому строгая мама всё же купила набор оловянных солдатиков. Такое впечатление, будто стычки с командующим десантом и молчаливого осуждения прочих офицеров не было и в помине.

Не дожидаясь разрешения, Рекоу развернулся и заковылял к выходу. Как истинный житель метрополии адмирал Крилл ни во что не ставит аборигенов, смотрит на них свысока и держит за идиотов. Ему нужна маленькая победоносная война. Дай бог, чтобы так оно и было.

Возле выходного люка Рекоу оглянулся. Адмирал Крилл, наслаждаясь собственным величием, восседал в кресле. Точно император седой древности. Ещё только короны из чистого золота на голове не хватает, а в правой руке длинного скипетра. Но! Неужели он не понимает, что только что между ним и подчинёнными возникла глубокая трещина. Если так пойдёт дальше, она превратится в бездонную пропасть. Карьерист хренов. Рекоу, перешагнув высокий порог, неловко вывалился в коридор.

Глава 5

Изумрудная долина

Восходящий над горизонтом Дайзен осветил стены древнего кратера с романтическим названием Изумрудная долина. Миллионы лет ни что не нарушало покой изъеденных дождём и ветром гор. Но едва наступил новый день, как серые небеса разразились оглушительным грохотом. Звено аэрокосмических истребителей прошло на бреющем полёте над древним кратером. От воя реактивных двигателей красный песок пошёл волнами, а со склонов гор градом посыпались мелкие камешки.

Только аэрокосмическим истребителям совершенно некого пугать. Ближайшее поселение аборигенов находится далеко на юге. Люди не заглядывают в Изумрудную долину десятилетиями. Командование Первого ударного прекрасно знает об этом, но предосторожности лишними не бывают.

Ещё через пару минут девять десантных челноков «Торнадо» приземлились в центре Изумрудной долины. Огромные тучи поднятой пыли не успели осесть, как по упавшим пандусам из спускаемых модулей лихо выскочили БМП. Респы, роботизированные системы поддержки пехоты, на ходу сиганули с боевых машин и разбежались широким полукругом. Выбросив десант, «Торнадо» тут же взмыли в небо.

Боевые машины разъехали в разные стороны и сбросили скорость. Из десантных люков на красный песок Свалки выскочили космические пехотинцы. Словно на учениях, первый взвод первого полка занял круговую оборону. Но и тогда никто не отреагировал на вторжение. Как бы то ни было, космические пехотинцы захватили самый первый плацдарм на бунтующей Свалке. Боевая операция по восстановлению мира и конституционного порядка началась.

Через час Изумрудная долина наполнилась войсками. Десантные челноки без устали опускают на поверхность Свалки всё новые и новые отряды космических пехотинцев, танки, самоходную артиллерию, универсальные модули. К исходу второго часа в южной части Изумрудной долины под прикрытием покато́й горы вырос Главный базовый лагерь.

Очередной «Торнадо» с воем вошёл в атмосферу. Как обычно мелкая тряска плавно перерастает в зубодробительную вибрацию. Ну а незадолго до выхода вообще начнётся дикая болтанка. Биал Ришат, рядовой космический пехотинец по прозвищу Ящер, молча стиснул зубы. Ещё только язык прикусить не хватало.

Такое впечатление, будто пилот загрузил спускаемый модуль молоком и очень старается спустить на планету масло высшей пробы. Впрочем, Биал поудобней ухватился за поручни, его можно понять: пусть в Изумрудной долине уже высадился целый полк, но строгий устав требует неукоснительно соблюдать меры безопасности.

Из «Шельмы», боевой машины пехоты, ни черта не видно. Но Биал и так прекрасно представляет, что происходит снаружи. Зубодробительная вибрация переросла в дику́ю болтанку, значит, «Торнадо» уже вышел на бреющий полёт. Пилот дёргает челнок из стороны в сторону. Не дай бог там, внизу, в какой-нибудь расщелине, засел дурной абориген с зенитной ракетой. Биал поёжился, по спине пробежали холодные мурашки.

Рывок в сторону.

Биал припечатался головой о стойку, шлем гулко звякнул. Аж душа в пятки. Противно осознавать, что от тебя сейчас ничегошеньки не зависит. Это же не учения. Дурной абориген и в самом деле может пальнуть зенитной ракетой. Каким бы юрким и прочным ни был «Торнадо», какой бы великолепной ИПРО ни обладал, всегда остаётся крошечный шанс, что его собьют к чёртовой матери. Тогда запертым в двойном гробу космическим пехотинцам не поможет даже сам Великий Создатель.

Резкое торможение. Пол под ногами заходил ходуном. Удар снизу. Биал аж подпрыгнул. Приехали.

Пронзительный скрип и треск упавшего пандуса. Биал нервно сглотнул. Сейчас или никогда. Под ногами взревел движок. «Шельма» рывком рванула вперёд. С потолка упал вой реактивных двигателей.

– Приготовиться к высадке!

Напряжение разом отпустило, Биал нервно улыбнулся. Раз Зил, командир отделения сержант Зилуч, командует высадку, значит, пронесло. По броне заскребли «муравьиные» лапы, значит, респы уже соскочили. Приятно, чёрт побери, держать собственную судьбу в собственных руках. А сейчас точно будет высадка, Биал заранее вытащил из зажима на стене электромагнитный автомат «Эмма». «Шельма» в последний раз дёрнулась и остановилась.

– Отделение... На выход!

Биал вскочил с места. Сердце бешено заколотилось. Первая самая настоящая боевая высадка. Судорожно сжимая автомат, Биал выскочил вслед за товарищами наружу... Ах, вот ты какая, Свалка.

Дожив до двадцати лет, Биал ни разу не бывал за пределами Геполы, даже выбраться из Мирема ни разу не довелось. Чужая планета удивляет, завораживает и настораживает.

Да... Биал завертел головой. Это не Мирема, далеко не Мирема. Ничего, абсолютно ничего похожего на родной мир. БМП остановилась возле так называемых Восточных ворот, широкого прохода между невысокими холмами. Направо и налево, насколько хватает глаз, раскинулась каменистая пустыня. Верхняя чисть, кажется, унылый пейзаж. Пески и камни всех оттенков красного тянутся на тысячи километров. На юге, в дрожащей дымке, угадываются горы того самого кратера Финдос. Ни клочка зелени, ну или хотя бы сухой веточки. Ни малейшего признака жизни, вообще ничего. Хотя, Биал напряг память, на Свалке всё же есть жизнь. Правда, как выразился на инструктаже лейтенант Божл, искать её нужно долго и упорно.

В спину ударил дикий вой, Биал резко обернулся. В Изумрудную долину, поднимая огромные тучи красной пыли, опускается очередной десантный челнок.

За миллионы лет дожди и ветры сильно разрушили некогда почти круглый кратер. Песок и глина переполнили каменную чашу и, пробив на стенах пару проходов, сползли во внешнюю пустыню огромными языками. Как будто кто-то специально насыпал подъездные пути.

– Налюбовались? – по связи загрохотал голос Зила. – А теперь за работу. Чтобы через час закопались в землю по самые уши. У кого будут торчать – оторву к чёртовой матери.

Биал убрал автомат в зажим на спине. Сержант не шутит, он и в самом деле уши оторвать может. Пусть в ближайшее время появление противника не предвидится, но отделение всё равно обязано окопаться по всем параграфам боевого устава.

– Ящер, пойдем, – Шалфей, напарник, уже вооружился сапёрной лопаткой. – Как гласит солдатская мудрость: больше земли, меньше крови.

– Пошли, – Биал отцепил от пояса сапёрную лопатку.

Двадцать первому взводу выпала честь перекрыть Восточные ворота. Как-никак они оказались на возможной передовой. Биал повертел головой. На забрале шлема синими линиями отображаются будущие окопы и огневые позиции. И то радость: не придётся бегать с рулеткой и колышками. А то на учениях господа офицеры очень любят усложнять жизнь простых солдат всякими нелепыми вводными. Биал с размаху вогнал лопатку в красный песок.

Копать траншею в осадочной породе одно сплошное удовольствие. Песок и тонкие пласты глины легко и быстро отлетают в сторону вероятного противника. Никаких заморочек с дёрном и маскировкой. Руки легко делают привычную работу, а в голову лезут дурные мысли.

Всё же интересно – Биал подправил край бруствера, – разбегутся аборигены по хатам или нет? Одно дело всего лишь рота космических пехотинцев, и совершенно другое целая дивизия с танками, пушками и боевыми вертолётами. Над головой назойливо режут «Торнадо».

К вечеру на Свалку высадится более пяти тысяч человек с тяжёлой техникой. С такой силой не то что маленькую колонию, всю Мирему в дымящую пустыню превратить можно.

Привычный рёв «Торнадо» перебил вселенский грохот. Биал ничком рухнул в недокопанный окоп. Руки сами выдернули из-за спины автомат.

Что? Что случилось? Биал осторожно высунул «Эмму» наружу. Встроенная в автомат видеокамера вывела на внутреннюю поверхность забрала вид каменистой пустыни... Ничего.

– Что, бойцы, в штаны наложили?

Голос командира отделения как всегда полон сарказма, но... Биал готов биться об заклад, сержант и сам только что поднялся со дна окопа.

– Не бзди, Ящер, – из-за кучи песка показалась голова Шалфейа. – Это всего лишь такшипы.

– Где? – Биал завертел головой.

– Да вон, на север ушли, – пальцем показал напарник.

Точно такшипы. Высоко, высоко в небе, вслед за утихающим грохотом, летят три чёрных треугольника.

Да-а-а... Такшипы, пусть маленькие, но самые настоящие космические корабли, появились со стороны кратера Финдос. Всё правильно: авиация уже взялась за аборигенов. Ну а раз к делу подключили такшипы, значит, на головы бунтовщиков падают ну очень серьёзные штучки. Как бы походя кратер Финдос с землёй не сровняли. Они могут. Между тем такшипы, стремительно набрав высоту, исчезли в зеленоватом небе.

Биал закинул автомат обратно за спину и подобрал сапёрную лопатку. Что бы ни творилось на юге, но второе отделение обязано перекрыть Восточные ворота и точка. Биал сориентировался по синей линии и снова вонзил лопатку в красный песок. Но... Что за чёрт? Шалфей по-прежнему сидит в недоделанном окопе в крайне расстроенных чувствах. Лица напарника не видно, но, судя по расслабленной позе, повисшим рукам и голове, ошибиться невозможно. От удивления Биал чуть не поскользнулся на рыхлом песке.

Если сам Биал только-только закончил пехотное училище, то более опытный и зрелый Шалфей прослужил в десанте не один десяток лет. За его спиной несколько боевых вылетов, которые, правда, закончились как учебные. Не так давно бунтующие аборигены тут же бросали вилы и топоры, если над их планетой зависал Первый ударный флот.

– Не бойсь, Шалфей, такшипы нас в обиду не дадут, – Биал не удержался от грубой шутки.

– Да ну тебя! – огрызнулся напарник.

Шалфей закинул автомат за спину и взялся за сапёрную лопатку. Красный песок нервными толчками снова полетел из недоделанного окопа.

Что с ним? Биал молча подивился. Обычно на подобные колкости Шалфей не обращает внимания. Обычно буркнет под нос что-нибудь добродушное и всё. Биал снова взялся за окоп. Но не прошло и пяти минут, как голова напарника вновь показалась из-за кучи песка.

– Ладно, Ящер, раз такое дело, то лучше сразу... – Шалфей воткнул лопатку в песок, а сам присел на край почти вырытого окопа. – Может статься, и не будет другого случая начистоту поговорить.

От удивления Биал едва не воткнул сапёрную лопатку в собственный ботинок. Ранее от более опытного напарника ничего подобного слышать не доводилось. Сапёрная лопатка сама выскользнула из рук. Дисциплина и страх перед грозным сержантом отступили под натиском любопытства.

– Вот ты мне много раз жаловался на рутину нашу, армейскую, – после секундного раздумья заговорил Шалфей. – Дескать, каждый день одно и то же. Ещё в училище тебя дисциплина извела, а в дивизии то же самое, только ещё хуже. А знаешь ли ты, недоросль, что лет через двадцать ты эту самую рутину боготворить будешь?

– Как это? – от удивления Биал вытянул шею.

– А так, – Шалфей печально кивнул. – Я когда полноправным пехотинцем стал, тоже вот в бой рвался. Очень повоевать хотелось, по-настоящему. Чтобы и противник реальный был, и посредники за спиной не маячили. Но... – Шалфей выразительно развёл руками. – Не срослось, не случилось. А с годами привык, пообтёрся, стерпелся, значит. Это вы, молодёжь, от радости описались, когда Свалка независимость объявила и Первому крейсерскому по шее накостыляла. А по мне так уж лучше десяток учений и ещё сверху пару десятков учебно-боевых вылетов, чем вправду на этой проклятой Свалке землю ковырять! – Шалфей рубанул ребром ладони по свеженасыпанному песку.

– Так ты это, того... – Биал замялся. – Боишься?

– Да, боюсь! – с вызовом признался Шалфей. – Угораздило аборигенов именно сейчас объявить о своей треклятой независимости. Не могли годика три подождать.

– И что же было бы через три года? – машинально спросил Биал.

– Через три года у меня истёк бы двадцатипятилетний срок службы, – Шалфей поднял голову. – Я бы имел полное право уйти в отставку или в службу перевестись, ну или в Адаун сержантом-инструктором устроиться. Да мало ли чего ещё мог. А тут угораздило: аборигены и вправду воевать собираются.

Шалфей прыгнул в окоп. Жаль, из-за тёмного забрала невозможно разглядеть лицо напарника, но судя по интонации, он не шутит. Да и какие тут могут быть шутки. Биал подобрал сапёрную лопатку.

Окоп быстро обретал прописанные в боевом уставе очертания. Хлопая лопаткой, Биал уплотнял песок на бруствере. Ещё, наверно, придётся пенобетоном заливать. А то ведь до ближайшего дождя... Господи! Ну и дела!

Неужели и он сам лет через двадцать превратится в заводного солдатика, в дорогую игрушку для генералов? Как бы ни лютовало командование, как бы ни гоняло солдат на бесконечных учениях, но долгий, чересчур долгий мир портит армию. Среди тех, кто выбрал судьбу профессионального солдата, хватает карьеристов и желающих хорошо устроиться. Об этом не принято вспоминать, но, едва в систему Геполы с побитой мордой вернулся Первый крейсерский, около сотни рядовых и сержантов тут же уволились из десанта. А когда объявили о походе Первого ударного, ещё с десятков подали в отставку. Как говорится, крысы удрали с корабля. Неужели Шалфей жалеет, что не последовал позорному примеру самых трусливых. Или – Биал изо всех сил хлопнул сапёрной лопаткой по рыхлому песку – самых умных? Остаётся надеяться, что тревога была напрасной.

Над Изумрудной долиной с вселенским грохотом вновь прошло звено такшипов, но Биал даже не стал поднимать голову. Признание напарника породило ещё больше сомнений. Сапёрной лопаткой Биал подрезал неровность на стенке окопа. А ведь Шалфей прав: когда за спиной маячит офицер-посредник, а в поле рвутся учебные взрывпакеты, «воевать» и в самом деле легко и приятно. Остаётся надеяться, что аборигены не доведут дело до греха, а послушно разбегутся по родным хатам.

Глава 6

Неизвестность

В забое, где-то в глубинах Свалки, маленькие лампочки едва разгоняют пыльную темноту. Заключение с носилками и лопатами передвигаются молча, понутив головы, словно привидения. Каменная пыль кружится в воздухе над подорванной породой и оседает чёрной маской на потных лицах подневольных работников. Да и не нужно слов: за полгода каторжных работ Ланал с напарником довели одни и те же движения до полного автоматизма.

Прокладка туннелей ведётся дедовским способом. Местный инженер по кличке Прораб указывает куда копать. Двое заключённых пробивают пневматическими бурами в забое кучу дырок, аборигены наполняют их взрывчаткой и подрывают. После, когда пыль худо-бедно осядет, заключённым остаётся самая «квалифицированная» работа – с помощью лопат, кирок и носилок перетаскать извлечённый грунт в широкий туннель и высыпать его в длинные металлические тележки.

Ланал с напарником остановились в конце забоя возле кучи вывернутого взрывом грунта. Пластиковые носилки плавно коснулись земли. Не большая ценность, но бить их ни к чему, только хуже будет. Заключение по кличке Шлак, орудя совковой лопатой, принялся нагружать носилки подорванной породой.

Точно четырнадцать с половиной секунд и носилки вновь полные. От рывка колотый камешек скатился с наваленной горочки. Ланал равнодушно проводил его глазами. Ну и чёрт с ним. На этот раз очередь Пылесоса идти впереди. Стараясь не задевать товарищей по несчастью, Ланал с напарником двинулись к выходу. Бесконечный цикл пошёл на очередной круг.

Сразу же после подъёма из анабиоза заключённых отправили на самую тяжёлую и тупую работу – копать туннели. По десять часов в день Ланал с напарником таскают носилки из забоя в широкий туннель и обратно. А где они находятся, зачем копают – ни малейшего представления. Несколько раз их перебрасывали с места на место, но каждый раз повторялась одна и та же картина: от одного широкого туннеля прокопать несколько мелких.

Полгода Ланал таскает носилки на пару с Пылесосом, но как звучит его настоящее имя – только Создатель ведаёт. Да и ни к чему знать. Ещё на Миреме Пылесос пытался закосить под психа, чтобы хоть так остаться в благодатных объятиях метрополии. Выл на Итагу, бросался на прутья решётки и лизал пыль под кроватью. Не помогло: его всё равно признали вменяемым и отправили на Свалку. Только дурную кличку заработал.

Пылесос фатально молчалив. Раз в месяц слово скажет, и то, если ему на ногу кувалду уронить. Впрочем, оно и к лучшему: от безысходности и полного отсутствия хоть каких-то перспектив Ланал и сам почти разучился говорить. Не о чем.

Обращение так себе. Аборигены могли бы быть и повнимательней, но спасибо и на этом. На отдых дают ровно столько, чтобы не падать от усталости. Кормят хорошо, если «похлёбку» можно назвать хорошей едой. Раз в неделю предоставляют возможность ополоснуться водой. Индюк, местный тюремщик по фамилии Индан, сволочь порядочная. Власть проявлять очень любит. Ходит, смотрит, орёт почему зря. Впрочем, ко всему можно привыкнуть. Главное, не давать Индюку повода, ну а если дал, то стоять со смиренным видом и ничего не говорить, пока тюремщик не спустит пар.

Широкий туннель освещён не в пример лучше маленького забоя. У противоположной стены, на длинной скамейке, расселись охранники. Всего четверо аборигенов с пороховыми автоматами стерегут пятьдесят шесть заключённых. Но и этих мающихся бездельем лбов более чем достаточно – бежать всё равно некуда. Ланал с напарником, подойдя к длинной сталь-

ной тележке, опрокинули в неё носилки. Ланал зажмурил глаза. Проклятье! Как ни старался, но всё же зацепил взглядом стенку налево от входа в забой.

Бунт на Свалке обрушил мечты о будущем. Вместо надежд на освобождение и какого-никакого обустройства на воле пришла пустота, абсолютная бессмысленная пустота. Словно робот с топорной программой, Ланал не живёт, а существует в промежутке между спальным вагоном и забоем.

Но!

Недели две назад бог знает каким образом просочилась невероятная новость. Если верить слухам, над Свалкой завис Первый ударный флот. А значит, бунту скоро конец.

Невероятное известие, щедро замешенное на самых причудливых домыслах, словно разбудило подневольных работников. Дошло до того, что заключённые отказались работать и потребовали разрешения создать профсоюз. Индюк, на удивление, сразу же пошёл на попятную. На первом же собрании официально избрали председателя профсоюза, двух заместителей и даже казначея. Но! В тот же день четверых активистов поставили к стенке и публично расстреляли из пороховых автоматов.

Ланала аж передёрнуло от свежих воспоминаний. Длинные очереди дважды перечеркнули тела активистов. На красных полинявших робах большими яркими пятнами выступила кровь. Активисты рухнули на пол и ещё какое время тихо стонали и слабо шевелились. Однако аборигены цинично дали тяжелораненым истечь кровью и умереть. После этого страшного события на стене налево от входа в забой остались маленькие воронки от пуль, а на полу большие бурые пятна.

После расправы над активистами пришёл страх перед будущим. Пусть аборигены обращаются с заключёнными относительно неплохо, но упорно отказываются отвечать на какие-либо вопросы. Индюк либо орёт, либо смотрит на подневольных работников как на пустое место, либо сразу тычет дубинкой в живот. Плакаты по ТБ и то больше внимания получают. Пятьдесят шесть заключённых зависли между небом и землёй. Мирема отказалась от них, а Свалка так и не приняла.

Последние мелкие камешки нехотя высыпались в наполовину полную тележку. Ланал с напарником двинулись в обратный путь. Между забоем и тележкой, между работой и пустым, без сновидений, сном. Бесконечность, это движение по кругу... Никто и ничто не в силах разрушить существующий порядок.

– Внимание!!! – в глубине забоя заорал Индюк. – Работу прекратить! Инструменты сложить! Всем выйти в большой туннель, построиться!

А вот и сам Индюк, как обычно безукоризненно выглажен, постиран, побрит и воняет дешёвым одеколоном. На фоне красных полинявших роб наряд тюремщика выделяется, словно золотая ложка среди алюминиевых товаров. Ох и любит же Индюк орать почём зря. Ланал, шагая впереди напарника, обогнул местного надзирателя. Главное не задеть его, не толкнуть ненароком, тогда вонять не будет.

– Вы что?! Охренели!!! – истошный вопль тюремщика, словно хлыст, ударил в спину. – Я сказал, работу прекратить! Инструменты сложить! В туннель, большой, строиться!!!

Ланал так и замер посреди дороги. Заключённые, кто где был, остановились и с удивлением уставились друг на друга и на тюремщика. Приказ Индюка свернуть работу раньше времени из ряда вон. Ланал обернулся. До конца рабочего дня ещё далеко. Никто и никогда не получал от Индюка ни малейшей поблажки. А тут...

– Чего уставились? – пухлые щёчки Индюка покраснели от ярости. – Живо, говорю, на выход!

Ланал испуганно разжал руки, носилки гулко брякнулись на землю. Он... Он не шутит? Заключённые, побросав лопаты и кирки, молча потянулись к выходу. Неужели Первый ударный и в самом деле завис над Свалкой? Ланал, едва сдерживая нетерпение, торопливо вышел

из забоя. Других причин свернуть работу нет и быть не может. Вот только... Ланал едва не споткнулся о рельсы... радоваться или бояться? Разум тревожно бьёт в набат и упорно кричит – бойся! Ничего хорошего не будет. А душа тихо шепчет – надейся.

В большом туннеле, вопреки заведённому порядку, целых десять аборигенов в красных боргах с пороховыми автоматами наизготовку. Но на этом чудеса не закончились. Едва заключённые выстроились в кривой прямоугольник, как Индюк приказал начать приём пищи.

Действительно пищи, не еды. Да и трудно назвать «похлёбку» хотя бы пищей: противная на вкус синтетика, но, правда, весьма питательная. Ланал, подчиняясь внутреннему импульсу, через силу влил в себя больше двух литров противной маслянистой жижи. Под конец заключённых загнали в большой спальный вагон. Гулко брякнула стальная дверь, а толстый засов с наружной стороны со скрежетом встал на место.

– Что это было? – не обращаясь ни к кому конкретно, произнёс Пылесос.

От удивления Ланал аж отшатнулся от напарника. Пылесос заговорил! Не иначе Великий Создатель обратил внимание на эту грешную планету.

– Понятия не имею, – честно признался Ланал.

Что произошло, неизвестно, спрашивать аборигенов бесполезно. Да никто и не стал барабанить кулаками в дверь и требовать ответа. Ланал с любопытством оглянулся. Товарищи по несчастью словно очнулись от долгого сна. Привычные унылость и полное безразличие разом исчезли.

– Так это, может быть... Того? – тощий зек с глазами навывкате выразительно ткнул пальцем в потолок.

– Ты это, поаккуратней, – предупредил чей-то голос.

– Да что они сделают? – разгорячился тощий зек. – Хана аборигенам! Наши прилетели!

Заключённые разом заговорили. Ланал протиснулся на своё место и улёгся на тонкий матрас. Долго гонимая надежда разом выплеснулась наружу, словно бурный поток прорвал железобетонную дамбу. Подневольные работники принялись городить одно невероятное предположение за другим. Дошло до того, что какой-то мутный тип с безумными глазами принялся уверять, будто не сегодня завтра Свалку разбомбят ядерными бомбами, а их, ровно пятьдесят шесть избранных, спасут и вернут домой в Мирему.

Версий много, версий разных, но все они так или иначе сводятся к одному: очень скоро brave космические пехотинцы накостыляют аборигенам по шее, а подневольных работников освободят. А как там на самом деле, что их ждёт в ближайшем будущем, никто не в курсе.

Постепенно возбуждённая говорильня сошла на нет. Запертый вагон по-прежнему стоит в большом туннеле без малейшего движения. Снаружи не доносится ни звука. Разговоры окончательно стихли. Ланал незаметно задремал.

Грубый толчок едва не сбросил на пол. Ланал инстинктивно схватился за край узкой лежанки. Вагон ещё раз сильно качнулся и успокоился.

– Сейчас поедem, – пояснил Пылесос.

Напарник сидит на соседней лежанке и напряжённо слушает тишину.

– Они это, тепловоз прицепили.

– Понятно, – Ланал спустил ноги на пол. – А куда едем?

– Индюка спроси, – без малейшего признака злобы ответил Пылесос.

Ждать пришлось довольно долго. Наконец вагон дёрнулся ещё раз, и путешествие в неизвестность началось.

Куда, в каком направлении и зачем – ни малейшего представления. Часов пять-шесть вагон стучал колёсами по стальным рельсам и качался на поворотах, чтобы в конце концов снова остановиться бог знает где. Наконец грохнул толстый засов, а входная дверь широко распахнулась.

– Живо на выход! – гаркнул Индюк. – Можете прихватить свои матрасы.

Ланал послушно скрутил тонкий матрас и поспешил на выход. Заключённые высыпали наружу. Опять туннель, какие-то проходы, переходы и снова туннели. Индюк в сопровождении двух вооружённых аборигенов в красных боргах шагает впереди и нервно поглядывает через плечо. Ещё шесть вооружённых аборигенов подпирают заключённых сзади.

За очередными воротами относительно неширокий проход неожиданно разошёлся в просторный туннель. Но удивляет другое, Ланал едва не споткнулся о высокий порог. Просторный туннель разделён многочисленными стальными решётками на некое подобие камер. Возле самой дальней из них Индюк остановился.

– Живо! По одному! – тюремщик открыл сваренную из стальных прутьев дверь.

На миг Ланал поймал взгляд Индюка. Господи! Тюремщик, всегда такой самоуверенный и напыщенный, едва держится. А если и орёт, то по глубоко въевшейся привычке. Если бы не парочка аборигенов с пороховыми автоматами за его спиной, то непременно наложил бы от страха в штаны.

Наспех сваренная дверь захлопнулась за последним заключённым. Вместо замка или засова один из аборигенов с помощью портативного сварочного аппарата намертво заварил её. Зато Индюк разом повеселел. Тюремщика распирает дикое желание сказать что-то очень гадкое, противное, как в первый день злосчастного знакомства. Но... Индюк просто развернулся на каблуках и ушёл вдаль по проходу между импровизированными камерами.

Да-а-а... Похоже они здесь надолго. Ланал пробился в дальний угол и возле внешней решётки прямо на каменном полу расстелил тонкий матрас. Вот зачем разрешили их взять.

– Это что за хрень? – какой-то заключённый, словно не веря собственным глазам, осторожно дотронулся до горячих прутьев решётки.

– Нас заперли, дубина, – ответил кто-то.

– А зачем?

– Чтобы ты не сбежал.

На риторический вопрос последовал риторический ответ. Ланал прилёг на матрас. А действительно, зачем?

Озадаченные заключённые разбрелись по импровизированной камере. Что задумали аборигены? Зачем загнали бог знает куда и заперли бог знает где? Что им помешало просто поставить подневольных работников к стенке и перестрелять, раз уж на то пошло? Одно радует – убивать не собираются. Пока. По крайней мере.

Ланал, повернув голову набок, выглянул наружу. Напротив, через проход, точно такая же импровизированная камера. Толстые прутья вставлены в каменный пол и потолок небрежно, криво, без какой-либо предварительной разметки, но на совесть. Всё указывает на то, что аборигены соорудили эту тюрьму на скорую руку, причём совсем недавно. Ланал пощупал сварочный шов. Корочка шлака, прикрывающая сварочный шов, до сих пор покрыта серой пылью. Стальные прутья слегка влажные и пачкают подушечки пальцев.

А это что-то особенное? Ланал запрокинул голову и вытянул шею. Сразу не обратил внимания: просторный туннель перегороден сплошной стеной. Точнее, не совсем сплошной. Посередине малозаметная дверца с высоким порогом, закруглёнными углами и штурвалом запорной системы. Не иначе герметичная.

Туннель наполнился топотом многочисленных ног. Ланал присел на матрасе. В центральном проходе показались ещё двое аборигенов в красных боргах с пороховыми автоматами. За ними ещё один в таком же, как у Индюка, зелёном кителе с кучей карманов, в заправленных в ботинки штанах и с широким ремнем на талии. И – от удивления Ланал даже привстал – целая толпа заключённых в знакомых красных комбинезонах, полинявших от времени и тяжёлой работы, с унижительными штрих-кодами на спинах.

– По одному. Живо! – скомандовал тип в зелёной форме.

Да это же, Ланал прижался лицом к решётке, двойник Индюка! Точнее, его коллега. Такой же тюремщик при группе заключённых.

Группу подневольных работников точно так же загнали в импровизированную камеру напротив. Тот же абориген со сварочным аппаратом старательно заварил дверь. Дальше – больше.

Вдали показалась третья группа заключённых в сопровождении очередного Индюка в зелёной форме и вооруженных аборигенов. А потом четвёртая, пятая, ещё и ещё. Импровизированные камеры быстро наполняются подневольными работниками в красных комбинезонах.

– Эй! – крикнул Ланал коротышке с коротко стриженными рыжими волосами. – Вы кто?

– Эмигранты третьей категории, – ответил стриженный.

– С Мирема, – удивлённо выдохнул Ланал.

Эмигранты третьей категории – именно так называют тех, кого высылают с Мирема по приговору суда на Свалку или подобные ей дыры. Те, кто иммигрирует добровольно, предпочитают более дружелюбные миры, типа Акатуны.

– А вы кем будете? – спросил стриженный.

– Да как и вы – работяги подневольные, – ответил Ланал. – Вас того, тоже туннели копать заставили?

– Ага, по десять часов в день без продыха, – стриженный тяжело вздохнул.

Стриженный представился Молотком. Как его настоящее имя, Ланал спрашивать не стал. Хватило пяти минут, чтобы обменяться схожей до мелочей судьбой товарищей по несчастью. Их так же подняли из анабиоза где-то полгода назад и так же отправили копать туннели чёрт знает где и чёрт знает зачем. Свой Индюк по кличке Додо так же гонял их на работу и так же усердно отказывался отвечать на вопросы. Ланал, глядя на заполняющиеся камеры, только подивился. Как-то не думал, что на Свалке таких же бедолаг может быть очень и очень много.

Ланал прикинул в уме. Если в каждой камере человек по шестьдесят, то... Учитывая, сколько в просторном туннеле камер... Ланал, насколько позволили прутья решётки, скосил глаза вдоль центрального прохода. То... Будет где-то от полутора до двух с половиной тысяч заключённых. Ну дела!

Разговор с Молотком быстро наскучил. Как и товарищи по отряду, рыжий знает ничуть не больше. В его отряде также циркулируют самые разные слухи и домыслы. Самый главный вопрос: зачем, с какой целью аборигены согнали их в этот туннель, так и остался без ответа.

Ланал снова прилёг на тонкий матрас. Товарищи по несчастью продолжают делиться слухами и домыслами. Туннель гудит, словно растревоженный улей. Толку-то. Жаль, дальний конец туннеля не просматривается, но, очевидно, аборигены загнали последнюю партию заключённых и ушли. Просто так взяли и ушли. За последний час мимо камеры не прошёл ни один абориген хоть в красном борге, хоть в зелёной форме, хоть с пороховым автоматом, хоть с чёрной дубинкой. Вообще никого. Ланал с тоской посмотрел на живот. Прошло много часов с последней кормёжки, а новой никак не намечается. Как хорошо, что вовремя сообразил влить в себя аж целых два литра жидкой гадости. Кто его знает, что там у аборигенов на уме?

За полгода каторжных работ выработалась привычка: если в вертикальном положении – значит, работать, если в горизонтальном – значит, спать. Ланал задремал. Как-никак, а впервые за время жизни на Свалке появился выходной.

Пол под тонким матрасом ощутимо дрогнул. Ланал тут же открыл глаза. Сна как не бывало. Вроде тихо. Или показалось? Со стороны стены с герметичной дверью долетел тихий, приглушённый толстым металлом, но совершенно отчётливый гул.

Минута... Другая... И снова пол под матрасом ощутимо дрогнул. С небольшим запозданием просторный туннель вновь наполнился приглушённым гулом. Заключённые тревожно притихли. Что за хрень?

– Братцы! – во всеобщей тишине незнакомый взволнованный голос рванул, словно бомба. – Да это же бомбёжка! Наши лупят по Свалке!

Секундное замешательство сменилось всеобщим ликованием.

– Да-а-а-а!!! Ура-а-а-а!!!

Просторный туннель взорвался от оглушительных воплей. Вне себя от радости Ланал вскочил на ноги, схватился за решётку и заорал ещё громче:

– Да-а-а-а!!! Вмажьте им! Вмажьте! Да-а-а-а!!!

Толчки и приглушённый гул пошли чередой. Не иначе на поверхность Свалки падают ну очень хорошие бомбочки. А значит, Первый ударный действительно прилетел. А значит, аборигенов очень скоро поставят раком и заставят освободить заключённых.

– Да здравствует свобода!!! – Ланал что есть силы затряс стальную решётку.

Всё новые и новые толчки под ногами и гул со стороны сплошной стены с герметичной дверью вселяют надежду. В диком возбуждении заключённые орут, скачут. Кажется, ещё немного и стальные решётки падут. Но нет, аборигены сварили их грубо, второпях, но на совесть.

Глава 7

Разгром Щитовой горы

Дежурить на наблюдательном пункте Чагу нравится больше всего. Это тебе не караул, когда словно зомби неприкаянный бродишь глубокой ночью перед наглухо запечатанными воротами партизанской базы. От такого бесполезного занятия противно вдвойне: ну неужели найдётся хотя бы один идиот, что попытается проникнуть на базу, когда снаружи рвёт и мечет шторм? В такую непогоду даже самые вредные проверяющие в кабинетах сидят, чай гоняют. То ли дело наблюдательный пункт.

«Тридцать восьмой», или строго по-военному НП-38, находится в каких-то пяти километрах южнее Щитовой горы. Относительно просторная яма накрыта сверху широкой каменной плитой. Для наблюдения за окрестностями оставлено несколько щелей, но через них мало что видно. Главные глаза «тридцать восьмого» – десять видеокамер. Обзор на все 360 градусов. Чаг сидит перед повешенным на стену плоским экраном на ровном камне. Пульт управления так себе, всего одна большая кнопка, зато не нужно ломать глаза и пялиться на окрестности через бинокль.

С утра было скучно. Что поделаешь, разнообразием «телевидение НП» не отличается. Одни и те же картинки Щитовой горы и каменистой пустыни Северного плоскогорья быстро надоели. Но когда рассвело, авиация метрополии устроила грандиозное шоу.

Аэрокосмические истребители Первого ударного основательно взялись за кратер Финдос. Вот уже несколько часов, как в разных частях Северного плоскогорья то и дело взрываются ввысь огромные столбы красной пыли, под ногами дрожит земля, а через щели внутри НП вливается грохот мощных взрывов.

Впрочем, Чаг зевнул, за два часа даже грандиозное шоу авиации метрополии успело наскучить. Хотя... минут двадцать назад противник взялся за Щитовую гору, причём взялся основательно. Чаг бросил взгляд влево, молодой напарник по кличке Хан прилип к смотровой щели и не спускает с горы глаз.

Самое главное представление притягивает своей грандиозностью. Время от времени треугольная гора целиком скрывается под султанами взрывов и клубами пыли. Ангары и административное здание разнесли на куски в первую очередь. Космопорт имени Пилага, главные и единственные ворота Дайзен-2, расколошматили к чёртовой матери.

Стыдно признавать, но противник пуляет отменно, даже красиво. Многочисленные ракеты и планирующие бомбы в прямом смысле залетают в многочисленные амбразуры и орудийные башни Щитовой горы.

Свежий пример. Очередной взрыв сорвал маскировочную сетку на восточном склоне горы. И тут же в тёмную щель амбразуры залетел дымовой след. Ещё миг. Наружу выплеснулись сноп пламени и клубы чёрного дыма. Бетонная громада артиллерийского дота развалилась на куски. Толстый ствол крупнокалиберной пушки скатился к подножию горы, словно недоваренная макаронина. Красиво, чёрт побери.

Чаг глянул на часы в правом нижнем углу экрана. Пора меняться, а иначе можно отупеть от чрезмерного разглядывания одних и тех же картинок.

– Хан! – бросил Чаг через плечо. – Твоя очередь.

Но рядовой Хандор никак не отреагировал.

– Хан!!! – ещё громче позвал Чаг. – Нечего там глядеть. Давай. Садись. Твоя смена. Дай мне посмотреть.

Хан с трудом, словно намагниченный, оторвался от щели.

– Да неужели ты не понимаешь? Они же... Они... – Хан, подбирая слова повыразительней, защёлкал пальцами. – Разносят в пух и перья наш самый главный, самый мощный форт! А он ведь не успел сделать ни одного выстрела!

От волнения армейская субординация начисто вылетела из головы рядового Хандора. В ответ Чаг улыбнулся. Через затемнённое забрало лиц не видно, но постоянное ношение борга научило угадывать эмоциональное состояние собеседника без мимики, по одним только словам и жестам.

– Да как же мы от врага отбиваться будем? – разошёлся Хан. – Ещё немного, и от Щитовой горы камня на камне не останется! В прямом смысле не останется! А ведь у них БМП, танки, артиллерия, вертолеты, наконец.

Чаг держался до последнего, но, в конце концов, дико расхохотался.

– Как?! Да как ты смеешь смеяться?!

Хан кипит от благородного гнева и размахивает кулаками. Чего доброго в драку полезет.

– Да подожди ты! – Чаг выбросил вперёд растопыренную ладонь. – Ты что? И в самом деле не догоняешь?

Такой поворот заставил Хана остановиться.

– А что я должен, как ты говоришь, догонять? – осторожно поинтересовался напарник.

– Ну даёшь! – Чаг перевёл дух.

Хан, или рядовой Жилк Хандор, был переведен в первый полк Народной армии из Стратегического резерва. Пусть в своё время ему не довелось громить космических пехотинцев, но он всё-таки профессиональный солдат, а не национальный гвардеец от сохи. Парень выносливый, толковый, но местами и впрямь немного не догоняет.

– Прежде всего, Хан, – Чаг поднялся с камня и с удовольствием, до хруста в суставах, потянулся, – научись различать достоверную информацию и пропаганду. То, что ты видел собственными глазами, щупал собственными руками, то есть достоверная информация. А то, что в последние годы крутили по ТВ, – чистой воды пропаганда.

Чаг прошёлся по наблюдательному пункту. Затёкшие от долгого сидения на одном месте ноги начали отходить.

– Да, на экране телевизора цепочка фортов на Северном плоскогорье выглядит очень даже внушительно, особенно наспигованная орудийными башнями Щитовая гора, – Чаг небрежно махнул рукой в сторону смотровой щели. – Но дело в том...

Мощный толчок опрокинул Чага на пол. Через мгновение НП накрыл оглушительный взрыв. Вовнутрь через смотровые щели ворвались густые языки красной пыли.

Чаг перевернулся на живот и глянул на монитор. Пронесло! Не по ним. Щитовая гора в очередной раз не просто окуталась, а буквально утонула в целой серии необычайно мощных взрывов. Отлично видно, как из огромного куста красного облака вылетают куски скал и ломаемого бетона.

Чаг быстро подполз к пульта управления и приподнял объектив видеокамеры. Точно! В сером небе над горами кратера Финдос стремительно уходят на север три треугольных силуэта. Такшипы. Неприятель пустил в ход тяжёлые кувалды. Щитовой горе точно хана. Очень хорошо!

Глава 8

Захват Бацела

Дороги на Свалке оторви и выброси. Боевую машину пехоты нещадно трясёт на рытвинах и ухабах. Сержант Отгар Чолнар по прозвищу Бес поднялся с командирского кресла рядом с водителем и, держась за поручни, перешёл в десантный отсек. Колени дрожат, во рту сухо, на лбу временами выступает испарина. Всё нервы проклятые! На очередной колдобине БМП сильно тряхнуло. Чолнар едва не выпустил поручень.

Десантный отсек залит белым светом. У обоих бортов перед экранами и пультами управления расположились операторы РСПП. Сами «Муравьи» до поры до времени сидят на броне, но в любой момент готовы соскочить на землю и вступить в бой. По сторонам узкого прохода сидят космические пехотинцы. Каждый пристёгнут к креслу широкими ремнями крест-накрест. Лица скрыты затемнёнными забралами. Оно и к лучшему.

Чолнар тихо вздохнул. Впервые в жизни ему и его отделению предстоит выполнить самое настоящее боевое задание. Бацел, самое южное поселение в кратере Финдос, является важным административным и транспортным центром. Там же единственный на планете фосфорный рудник и завод по переработке руды. Двадцать пятому взводу первого полка приказано захватить его. «Торнадо» высадили взвод в семи километрах от города. По разбитой вдребезги дороге три боевые машины почти добрались до входа. Дрын, командир взвода, вот-вот объявит высадку.

– Взвод! Внимание! Приготовиться к высадке, – пришёл по связи долгожданный приказ старшего сержанта.

– Отделение! Внимание! – словно эхо скомандовал Чолнар. – Приготовиться к высадке!

Солдаты синхронно вытащили из зажимов на стенах электромагнитные автоматы. Чолнар нервно сглотнул. Сейчас будет самый опасный момент.

– Взвод! Выходим!

– Отделение! Выходим!

«Шельма» сбавила скорость, по инерции Чолнар качнулся на месте. Скрежет по внешней броне, «Муравьи» первыми соскочили на землю. Десантный люк распахнулся. Пехотинцы слаженно и быстро выскочили наружу. Чолнар, как и полагается командиру отделения, выбрался последним.

Держа «Эмму» в правой руке, Чолнар впервые вступил на красный щебень Свалки. Ну сейчас! Зелёный квадратик прицела тревожно запрыгал по окрестностям. Видеокамера с автомата передаёт изображение прямо на забрало бронескафандра.

Чолнар быстро осмотрелся по сторонам. Отделение, действуя строго по уставу, рассыпалось позади БМП широким полукругом. Пехотинцы, сидя на одном колене, обзревают окрестности. «Муравьи» выстроились перед боевой машиной по фронту, а сама «Шельма» грозно водит 30-мм стволом из стороны в сторону. Противника не видно, ну и слава богу!

Бацел, как и прочие города Свалки, находится в глубине гор кратера Финдос. Неширокая дорога к входным воротам проходит между высокими холмами. Только перед самым въездом в город некое подобие широкой вытянутой площадки. Чолнар сощурил глаза, автоматика броника тут же приблизила вершину правого холма. Слава Великому Создателю, никого. Чолнар перевёл взгляд на левый холм, и там пусто.

Зажатая между холмами дорога – отличное место для засады. Первое и второе отделения выстроились на площади перед входом, а вот для третьего места не хватило, пришлось встать на подъезде. Чолнар зябко поёжился. Не дай бог, аборигены откроют миномётный огонь. Миномёты, о ужас, у них точно есть.

– Не стрелять! Без моей команды не стрелять! – долетел по связи приказ командира взвода.

Чолнар нервно переступил с ноги на ногу. На душе тревожно. Неужели старший сержант не понимает, в какой западне находится взвод? Так называемый въезд в Бацел не более чем дыра в горе, всего лишь бетонный туннель с герметичными воротами. Одна «Шельма» еле-еле пройдёт, да и то развернуться не сумеет.

– Не стрелять! Без приказа не стрелять! – Чолнар едва не забыл продублировать приказ взводного.

– Как это не стрелять? – тихо возмутился Кабан.

У ефрейтора Хрунова, похоже, сдают нервы. Кабан вцепился в «Эмму» словно утопающий в соломинку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.